

Станислав Далецкий

Ц
А
Р
Ь
В
С
Е
Я
Р
У
С
И

18+

Станислав Далецкий

Царь всея Руси

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Далецкий С. В.

Царь всея Руси / С. В. Далецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Ивану Грозному, современнику Елизаветы Английской, Филиппа II Испанского и Вильгельма Оранского, вождя Нидерландской революции, приходится решать военные, административные и международные задачи, похожие на цели создателей новоевропейских держав, но в гораздо более трудной обстановке. Талантами дипломата и организатора он, может быть, всех их превосходит». Р.Ю. ВипперВ данной книге цитируются подлинные документы и мнения современников Ивана Грозного, историков и исторических личностей.

© Далецкий С. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

На обложке: репродукция с картины В.М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» «Ивану Грозному, современнику Елизаветы Английской, Филиппа II Испанского и Вильгельма Оранского, вождя Нидерландской революции, приходится решать военные, административные и международные задачи, похожие на цели создателей новоевропейских держав, но в гораздо более трудной обстановке. Талантами дипломата и организатора он, может быть, всех их превосходит».

Р.Ю. Виппер

В данной книге цитируются подлинные документы и мнения современников Ивана Грозного, историков и исторических личностей.

ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ

ПИСАРЬ

Писарь Посольского приказа Степан Кобыла, закончив переписку набело царского письма к королю Польскому и Литовскому Стефану Баторию, отложил перо, потянулся и перечитал написанное, чтобы, не дай Бог, пропустить опisku – тогда быть ему битому батогами, если описка без умысла, а если царь Иоанн заподозрит умысел, тогда можно и жизни лишиться. Письмо гласило:

«Брат наш, король Польский и Литовский, Стефан!

Мы, смиренный Государь всея Руси, Божиею, а не человеческой многомятежною волею... Когда Польша и Литва имели также венценосцев наследственных, законных, они ужасались кровопролития: ныне нет у вас христианства! Ни Ольгерд, ни Витовт не нарушали мира: а ты, заключив его в Москве, кинулся на Россию с нашими злодеями Курбским и другими: взял Полоцк изменою и торжественным манифестом обольщаешь народ мой, да изменит царю, совести и Богу! Воюешь не мечом, а предательством – и с каким лютым зверством! Воины твои режут мертвых... Наши Послы едут к тебе с мирным словом, а жжешь Луки жжеными ядрами (изобретением новым, бесчеловечным); они говорят с тобою о дружбе и любви, а ты губишь, истребляешь! Как Христианин я мог бы отдать тебе Ливонию; но будешь ли доволен ею? Слышу, что ты клялся Вельможам присоединить к Литве все завоевания моего отца и деда. Как же согласиться. Хочу мира, хочешь убийства; уступаю, требуешь более и неслыханного: требуешь от меня золота за то, что незаконно, бессовестно разоряешь мою землю!.. Муж кровей! Вспомни Бога!

Царь всея Руси Иоанн».

Не обнаружив в письме описок и помарок, писарь Степан скатал письмо в свиток и понес его в Палату Посольского приказа для передачи дьяку, который должен подписать это письмо царя, приложить печать и отправить с гонцом к польскому королю Стефану Баторию, который был избран сеймом на этот пост из воевод, а не по наследству.

Выйдя из писчей избы, Степан остановился, ослепленный ярким солнцем: был конец весеннего месяца грачевника 7089 года от Сотворения мира (март 1581 года) и после полудня солнце, висевшее на безоблачном голубом небе, роняло на землю теплые лучи – стрелы, которые пронзали остатки почерневшего снега, заставляя их истекать талой водой, струи которой с тихим журчанием сливались в ручейки, затем объединялись в потоки, обрушивающиеся с крутого берега в воды Москва-реки, которая, еще не освободившись от льда, кротко воспринимала в себя все весенние воды, чтобы напрягшись, через несколько дней сбросить с себя

ледяные оковы и вобрав весенние воды широко разлиться, подтапливая избы и дворы, сгрудившиеся на другом берегу нестройными рядами.

Где-то там, вдали, за рекой, стоял и дом Степана, в котором он проживал бобылем после великого Московского пожара, случившегося десять лет назад при набеге крымского хана Девлет-Гирея, когда сгорели заживо жена, дети и родитель царского писаря Степана Кобылы, который сам уцелел, поскольку находился в Кремле, а семью не успел забрать из-за внезапности появления татар.

Тот пожар, в три часа, выжег всю Москву, оставив лишь Кремль, который татары не осмелились брать штурмом из-за высоких стен и жара от московского пепелища. Так Степан и остался бобылем в доме, который отстроил на месте сгоревшего своего семейного жилища.

Вздыхнув от тяжелых воспоминаний о своих родичах, сгоревших в Великом пожаре, Степан зашагал к Посольскому приказу, стараясь не замочить сапоги в весенних ручейках, пересекающих дорогу. Сапоги его были не новые, изрядно поношенные и заполнялись талой водой, стоило лишь ступить в неприметную лужу, прикрытую сверху мусором, накопившимся за долгую зиму.

В Посольской палате, которую выстроили в Кремле по приказу царя Иоанна лет пятнадцать назад, чтобы отделить государевы Приказы от царских покоев, и служилые людишки не мотались среди царевых родичей, подъячий Тимофей взял у Степана царское письмо, прочитал раз и два его целиком и, удовлетворившись написанным, отпустил писаря восвояси с напутствием: – Ступай, Степан, домой, на сегодня твои дела закончены и можешь покашеварить в своем доме, где живешь бобылем. Почему ты не возьмешь к себе молодайку в жены-стряпухи? Иль невесты на Москве перевелись? Ты еще мужик справный, можешь и деток завести, а живешь словно сыч лесной в одиночестве, супротив божьего промысла, который заповедовал, чтобы люди плодились и размножались. Али сила мужская в тебе закончилась? Что молчишь?

– Что Вам ответить, Тимофей Гаврилович, – смиренно отвечал Степан. Никак не могу позабыть жену и детишек, сгоревших заживо от проклятых татар, вот и нет желания вновь обзаводиться семейством. А ну как татары вновь Москву пожгут?

– Больше не пожгут, – нет у татар мочи сюда соваться, – успокоил дьяк. – После битвы при Молодах истлела татарская сила и еще много лет не будут сюда соваться басурмане. Так что подыскивай себе, Степан, новую суженую и заводи детишек. Царь Иоанн весьма благосклонно относится к семейным холопам и даст тебе прибавку к жалованию, о чем я похлопочу. Давай, Степан, чтобы к осени закончил свою бобылью жизнь, а теперь ступай в хату и жуй сухари, коль жены нет и некому тебе щей сварить, – усмехнулся дьяк.

– Вы, Тимофей Гаврилович, если будет возможно, скажите потом, когда ответ польский придет на это царское письмо. Больно охота мне знать, что король Польский ответит на столь благочестивое письмо царя нашего Иоанна.

– Хорошо, будет оказия, дам тебе почитать ответ, если там не будет плохих слов про нашего царя: от этих пшекков можно ожидать любой пакости и не след холопу читать поносные слова иноверцев, – ответил подъячий и углубился в чтение очередного свитка, а Степан, выйдя из Приказа, пошел к мосту, чтобы, перебравшись на другой берег реки уединился в своем доме. Он и без напутствия подьячего тяготился одиночеством и сам подумывал подыскать вдовицу, чтобы жить без венчания, а если пойдут детишки, то можно и под венец – дело это житейское и одобрено пророком Матфеем в Евангелии, где сказано, что жениться можно на вдове, но нельзя на блуднице, ибо будешь тогда жить в прелюбодеянии до конца дней своих.

В таких размышлениях Степан добрался до своего дома, разжег печь, отварил каши из проса, заправил кашу свиными шкварками, плотно поел, попил чаю, настоящему на смородиновом листе, и завалился спать на печную лежанку, вспоминая напутствия подьячего про молодайку, пока сон не смежил очи.

Месяца через три подьячий Тимофей, однажды, когда Степан по делу зашел в Посольский приказ, сунул ему в руку свиток, сказав: – Ты хотел прочитывать ответ Польского короля Батория на милостивое к нему письмо царя Иоанна. Вот и ответ от нечестивца-латинянина.

Степан взял свиток и прочитал вслух ответ Польского короля Стефана Батория на письмо царя русского Иоанна:

«Хвалишься своим наследственным Государством, – писал Стефан, – не завидую тебе, ибо думаю, что лучше достоинством приобрести корону, нежели родился на трон от Глинской – дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзанием мертвых: я не терзал их, а ты мучаешь живых: что хуже? Осуждаешь мое вероломство мнимое, ты сочинитель подложных договоров, изменяемых в смысле обманом и тайным прибавлением слов, угодных единственно твоему безумному властолюбию! Называешь изменниками воевод своих, честных пленников, коих мы должны были отпустить к тебе, ибо они верны отечеству! Берем земли доблестию воинскою и не имеем нужды в услуге твоих мнимых предателей. Где же ты Бог земли русской, как велишь именовать себя рабам несчастным? Еще не ждали мы лица твоего, ни сей крестоносной хоругви, коею хвалишься, ужасая крестами своими не врагов, а только бедных россиян. Жалеешь ли крови христианской. Назначь время и место; явися на коне и один сразися со мной единым, да правого увенчает Бог победою».

– Польский король вызывает нашего царя Иоанна на поединок? – удивился Степан, прочитав письмо Батория. – Царь с королем не может биться на поединке, – это известно всем.

– Хитрит Баторий, знает, что царь не будет с ним сражаться, вот и изгаляется. Этого Батория поляки выбрали королем пять лет назад, потом он стал и Великим князем Литовским, где похвастался отнять у Руси Киев, Полоцк, Псков и всю Ливонию. Сейчас он напал на Псков во главе большого войска, и если возьмет Псков, то быть беде большой для русского царства и для царя нашего Иоанна, про которого в Европе распускаются дурные слухи, будто про нечистую силу, из-за отказа царя Иоанна принять веру латинянскую и отказаться от православия, – охотно пояснил подьячий Тимофей.

– И что же царь ответил на грамоту польского короля Батория? – спросил снова Степан у подьячего.

– Царь Иоанн ответил учтиво польскому гонцу, что зачитал эту грамоту: «Кланяйся от нас своему Государю!» – таков был царский ответ, смиренный, на бранную грамоту Батория.

Теперь, после нападения Батория на Псков, нет у царя Иоанна надежных князей для защиты от поляков и литовцев, поскольку многие наши князья родом из Литвы и Ливонии, а при Батории служат наши изменники князья Курбский и Бельский. Право дело, что Псков защищают надежные воеводы: бояре Шуйские, князь Хворостынин и другие, с которых царь Иоанн взял торжественную присягу, что они не сдадут город Баторию до своей смерти. На это и будем уповать. – закончил подьячий Тимофей свои речи, добавив: – А ты, Степан, гляжу, интерес имеешь знать о делах русского царства. Вот и займись описанием деяний царя нашего Иоанна Грозного, поскольку много небылиц и сказок враги Руси измышляют о нем: и что жесток не в меру, и что избегает биться на бранном поле и в семье своей с женами не ладит.

Только пиши летопись не по слухам, а по документам из Посольского приказа, к которым ты, как писарь, имеешь доступ. Большое дело сделаешь, если напишешь правду о нашем царе Иоанне Васильевиче Грозном, который является первым нашим царем, повенчавшимся на царство Русское из Великих князей Московских. И будь осторожен, чтобы про твои записки вороги не вызнали и не представили царю в минуты гнева: царь наш в гневе бывает строг, да и не сдержан по причине душевной болезни и потому может и к смерти приговорить, а потом включит тебя в свой поминальник загубленных душ, чтобы читать молитвы поминальные, только тебе это уже не поможет, – закончил подьячий свое напутствие Степану.

– Какой из меня летописец, чтобы о царских делах писать, – отрекся Степан от слов подьячего, – тут свою-то жизнь не всегда понимаешь, а уж про дела царские и вовсе слов,

подходящих не найти. Нет, подьячий Тимофей, буду я переписывать письма и грамоты, как и прежде, а к осени, может быть, и молодайку приведу к себе в дом, по вашему совету, тогда и вовсе будет не до описания царских дел по устройству Государства Русского.

– Ну, как знаешь, – молвил подьячий, – если семью ладить затеешь, тогда, конечно, не до летописей, тебе Степан будет: надобно и жене угодить, и детишек поднимать, если они заведутся, – да что мне безбрачному учить тебя семейным заботам – ведь у тебя семья была, да сгорела в Московском пожаре, о чем ты до сих пор тужишь. Я, советуя заняться тебе летописью, хотел отвлечь тебя делом от грусти по невинно погубленным твоим деткам и жене, которых уже не вернуть, но погляжу, что и ты сам начал подумывать о новой семье, чтобы не остаться бобылем на старости лет.

Иди домой, подбирай себе молодую вдову, небось их много живет по соседству: крымский хан да польские короли, что нападают на нашу Русь святую многих сделали вдовами, погубив их мужей на бранном поле, так что есть из кого тебе, Степан, выбрать молодайку для сожителства: ты мужчина видный, хоть и в годах, да и положение писаря в Посольском приказе тоже привлекательно для молодой вдовы – и жалованье царское голодать не дает и на войну тебя стрельцом не пошлют, чтобы второй раз женщине овдоветь, – закончил подьячий Тимофей свои нравоучения Степану и, отвернувшись, занялся своими делами, а именно: составлением царской грамоты в войска воеводам с наказом держать города в Ливонии не жалея живота своего в битвах с королем Баторием – иначе этого живота будут лишены по царской воле за малодушие и трусость или и того хуже: за измену царю и отечеству.

Такую грамоту повелел дьяку составить царь Иоанн Васильевич, а дьяк поручил это дело подьячему.

Степан вышел из Посольской палаты, раздумывая над словами подьячего о написании летописи про нынешние дела царя и прошлые его поступки, о которых еще сохранилась людская молва.

– Прав подьячий Тимофей: если начать писать про жизнь нашу в правление царя Иоанна, то следует опираться не на людские домыслы, а на царские грамоты, записи царских слуг, воевод и прочей челяди, чтобы следовать истине. Еще надо переписывать грамоты Посольского приказа и донесения воевод из разных мест Руси, чтобы эта моя летопись была правдивой.

В царской библиотеке тоже много грамот и записей из прошлых лет хранится и с этими свитками можно знакомится по разрешению смотрителя библиотеки вроде как для обучения мастерству в составлении грамот, указов и повелений царя, Боярской Думы и государевых мужей, что входят в ближний царский круг – взять того же Бориса Годунова: из захудалого рода, а стал боярином знатным – окольничим царя Иоанна.

И как подьячий Тимофей догадался, что есть у меня желание написать повествование про нашу жизнь нынешнюю и прежнюю, а не только чужие грамоты и указы переписывать. Однако, и предостережение подьячего о тайнописи такой книги тоже разумно: любое слово можно толковать так или иначе: поди, угадай, кому в руки может попасть такая книга и как будет принято все, что в ней записано.

Нет, пожалуй, не стоит мне затевать свои записи о нашей жизни на Руси в нынешние времена – весьма опасно такое дело в смутные лета, когда враги лезут на Русь со всех сторон – потому царь наш Иоанн, подозревая врагов в своем окружении, даже по малому делу может впасть в ярость, а уж за записи про его царствование и подавно, если ему не потрафит, лишит головы такого писаря как я, – продолжал свои размышления Степан, ступив на деревянный наплавной мост, что вел на другой берег Москва-реки, где, в Замоскворечье, стоял дом Степана.

Этот мост зимой разбирался, остатки его по весне сносили внешние воды, однако плотники отстраивали мост заново, за пару недель после ледохода, и он вновь служил до следующей весны, когда все повторялось.

Войдя в избу, Степан бросил шапку на лавку, снял сапоги и зипун и прилег на лавку, подложив шапку под голову, чтобы предаться раздумьям о своей жизни. Этим раздумьям он предавался почитай каждый вечер, если не было домашних дел. Сегодня дел таких не предвиделось, на ужин его ждал в подвале жбан молока да краюха хлеба, а завтрашний день был воскресный и Степан намеревался сходить к обедне в собор Покрова, что на Красной площади, чтобы поставить свечки за упокой души жены своей Прасковьи и детей своих: Ивана, Михаила и Дарьи, погибших безвинно в Московском пожаре, случившемся при набеге на Москву хана Крымского – Девлет-Гирея.

Храм Покрова святой Богородицы был построен по воле царя Иоанна в честь его победы над Казанским ханством, но в народе этот храм частенько называли храмом Василия Блаженного – юродивого, что обитался на Красной площади, ходил босый даже зимой, а его пророчеств опасался даже царь Иоанн, который при кончине Василия сам шел за его гробом, повелел хоронить его во Рву и возле этого места указал строить храм, который и был возведен двадцать лет назад.

Степан любил ходить в этот храм, чтобы постоять в сумеречной тишине, под каменными сводами, произнося чуть слышно свои молитвы по погибшей семье и наблюдая, как язычок пламени от поставленной им свечи, колеблется в такт его молитвенным словам и иногда тянется к нему, словно что-то хочет сказать, от имени жены Прасковьи и детей, но не может этого сделать, ибо язык пламени свечи только называется языком: на самом деле пламя безмолвно и беззвучно колеблется на укорачивающемся огарке свечи, пока эта свеча не выгорит полностью и не погаснет.

Так и человеческая жизнь: постепенно разгораясь, от детства переходит в юность, потом приходит зрелость, затем, если повезет, наступает старость и, наконец, огонь жизни выжигает из человека все жизненные силы, и наступает тьма потустороннего мира, куда по Божьей воле переселяются человеческие души после смерти – если верить богослужебным писаниям. Степан, после гибели семьи, начал сомневаться в божьем промысле, упрекая Господа, который не уберег его близких от гибели в адском пламени Московского пожара, устроенного татарами в год 7088 от сотворения мира.

– Если бы Бог был милосерден к моим детям, и слабым женам, он бы прекратил ветер, который выжег почти всю Москву и наслал бы дождь, чтобы погасить поджоги, устроенные татарами, – думал частенько Степан, – ведь смог же Господь устроить Вечный Потоп, так почему бы ему не устроить было сильный дождь, который бы прекратил пожары, избавив людей от геенны огненной. Но нет же – не пожелал Бог избавить москвитян от пожара, и потому моя вера поколебалась после гибели семьи, – размышлял Степан в сумраке церкви и торопливо крестился, отгоняя сомнения в божьем промысле, что сгубил его семью.

Вот и завтра, в воскресный день, Степан хотел посетить церковь, чтобы поразмышлять о суе брэнной жизни человека, лишившегося семьи – то есть о своей жизни, а потом он намеревался пойти к молодой вдове Марии, что жила на соседней улице, одиноко, в избе мужа, который погиб год назад в Ливонии, будучи стрельцом.

Мария жила с огорода, немного шила соседкам женские платья и сарафаны, а также ходила в услужение к купеческой семье, чей дом был неподалеку. Эта вдова приглянулась Степану еще в замужестве, а сейчас прошел год с ее вдовства, и было вполне уместно предложить, по-соседски, Марии свое участие и помощь по хозяйству, не возбуждая пересудов людских.

– Надо познакомиться с Марией, помочь ей в заготовке дров на зиму: бревна ей привезли уже, и она напилела с соседкой чурбанов, а вот поколоть их на поленья и будет мужская помощь от меня, – рассуждал Степан, продолжая лежать на лавке в сонной неге, не замечая течения времени.

Однако, августовские сумерки заставили Степана прекратить свои раздумья и замыслы, и отряхнув с себя дрему, он достал жбан с молоком из подпола, отрезал ломоть хлеба от кра-

юхи, повечерничал молоком с хлебом и улегшись на лежанку, что устроил себе в углу избы, мирно заснул в ожидании завтрашнего утра, памятуя, что утро вечера мудренее и завтрашний день покажет: сбудутся ли его замыслы и надежды, главной из которых была надежда завести знакомство с Марией.

Проснулся Степан чуть свет от истошного крика петухов, горланивших навстречу расцвету из всех окрестных дворов.

– Вот же вредная птица, – подумал Степан, – кричит что есть мочи, лишь небо чуть засветится на востоке, не давая людям подремать в воскресное утро. И то сказать, как может глупый петух знать, что сегодня воскресенье, потому и орут петухи, как и в любой другой день. И что интересно: дело к осени близится, день заметно укоротился, и петухи стали кричать попозже, чем в разгар лета, словно знают время рассвета. Вот бы людям так знать, заранее, каким будет день грядущий, чтобы уберечься от напастей и не прозевать радостей! Как бы это славно было знать о грядущем наперед!

Но о том ведает лишь Господь, а нам грешным людям следует достойно исполнять Божию волю, помолившись утром о ниспослании благодати, а вечером поблагодарить Господа за прожитый день, если он был благополучным или смиренно воспринять напасти – если они днем этим случились. Впрочем, хватит мне бока отлеживать, пора вставать после криков петухов и сегодня же постучать в калитку двора Марьи-вдовы, чтобы затеять знакомство не по-соседски, а по-мужски, и скажу Марье, что хочу ей помочь поколоть дрова, ибо не женское это дело махать топором.

Продумав затею для знакомства с вдовой, Степан ободрился и занялся нехитрым своим хозяйствованием, главным из которых было сварить кашу пшенную на молоке, полкрынки которого остались на столе после ужина.

Он умылся из рукомойника, что висел на столбе возле крыльца, растопил печь, поставил на огонь чугунок с просом, который замочил водой еще с вечера и, дождавшись, когда пшено закипит в малой воде, залил его молоком, помешивая деревянной ложкой, чтобы каша не пригорела в чугунке.

У Степана было три чугунок для варева: малый, средний и большой, и эти чугунки являли большую ценность, поскольку не боялись сильного огня и не трескались – в отличие от глиняных.

Откушав каши, Степан вышел из избы и присел на крыльцо, ожидая, пока день вступит в полную силу, чтобы направиться к соседке Марье, исполняя задуманное знакомство, а в церковь он решил не ходить, помолившись на образа в своем доме, поскольку моление в церкви займет едва ли не половину дня и тогда будет смешно ему идти к Марии и предлагать свою помощь в колке дров: любой знает, что дело надо затевать с утра, а не с полдня.

Степан отыскал в сарайке, что примыкал к дому, топор-колун с узким, но толстым лезвием, который намного облегчал колку чурбанов на поленья, поскольку толстое лезвие не застревало в чурбане и потому чурбаки не надо было взмахивать через плечо, чтобы ударом обухом топора по колоде раскалывать чурбаки на поленья – колун успешно разбивал чурбаки с первого, редко со второго сильного удара, которому способствовало и длинное топорщице.

Подобными топорами на длинном топорщице русичи одерживали победы и над псами-рыцарями с запада и над степняками – басурманами с востока, поскольку мечами пользовались лишь ратники, княжеские и боярские, ибо владение мечом требует обучения, а владением тяжелым топором русский крестьянин обучался с детства при колке дров.

Подпоясав зипун красным кушаком, Степан засунул топор за кушак и направился на соседнюю улицу к избе Марьи-вдовы.

На подходе к избе вдовы, Степан увидел Марью, что возвращалась от реки с полными ведрами воды на коромысле.

– Говорят, что это хорошая примета – встретить девушку, идущую навстречу с полными ведрами воды, – приветливо сказал Степан, учтиво поклонившись Марии.

– Дай вам Бог удачи на добром слове, – ответила Мария, – только какая же я девица: я есть вдовица одинокая, что и вам, Степан Иванович, хорошо известно, – ласково ответила Мария на приветствие писаря.

– Откуда же вам известно, что я есть Степан Иванович? – удивился Степан.

– Так кто же здесь в Зареченской слободе не знает царского писаря Степана Ивановича Кобылу? – пояснила Мария. – Если вы с соседями не якшаетесь – это не значит, что и соседи вас не знают. А сейчас, если не трудно, отворите мне калитку моего двора, чтобы не ставить ведра на землю – калитка у меня тугая, петли заржавели, поскольку мужика у меня убили в Ливонии на войне, а больше мужчин в доме нет и помочь бедной вдове некому.

Степан поспешил открыть калитку перед Марией, зашел следом за ней во двор и, дождавшись пока вдова поставит ведра с водой на крыльцо, сказал: – Можете верить, Мария, а можете не верить, но я как раз сегодня собрался вам в помощь поколоть дрова – вот и топор с собой захватил.

Мария удивленно вскинула голову, выпрямилась и лишь сейчас Степан разглядел ее внимательно и в упор. Вдова была хорошо сложенной девицей, лет немного за двадцать. Недолгое замужество и нерожденные дети не позволили ей обабиться и Мария выглядела скорее молодой, чем вдовой женщиной. Серые с голубизной глаза Марии смотрели на Степана с интересом, русые волосы были упрятаны платком, повязанным на татарский манер вокруг головы, а миловидное лицо с яркими припухлыми губами напоминало лики девы Марии с икон в церквах собора Покрова.

Мария, в свою очередь тоже внимательно всмотрелась в Степана, но опомнилась и смущенно опустив глаза долу, сказала: – Что же пришли помогать бедной вдове, так помогайте, не мешкайте, чтобы управиться до вечернего звона колокола в храме Покрова, а я тем временем трапезу сготовлю вам, Степан Иванович, за помощь.

Степан скинул зипун, поплевал на руки, взял топор и начал, не спеша, но споро, раскалывать чурбан за чурбаном, отбрасывая готовые поленья в сторону.

Мария недолго полюбовалась мужской работой и, прихватив несколько поленьев, ушла в избу готовить трапезу, как обещала.

Степан работал без отдыха, и когда солнце стало катиться к западу, закончил колку дров, накидав большую кучу поленьев. Мария несколько раз выходила из избы посмотреть на мужскую работу и раза три приносила Степану ковш с холодным квасом, который мужчина молча выпивал, лишь на минуту прекращая свою работу. Разбив последний чурбан, Степан воткнул топор в колоду и облегченно вздохнул, закончив тяжелую работу.

Мария тотчас вышла из избы с рушником, сказав ласковые слова: – Вот, Степан Иванович, умойтесь после работы и вытрите рушником, а я сейчас вынесу во двор стол и накрою трапезу, чтобы соседи не заподозрили всякое в том, что я кормлю чужого мужчину в доме – во дворе обычно кормят наемных работников: пусть и соседи думают, что вы пришли по найму, а не в помощь мне.

Бедную вдову нетрудно ославить в прелюбодеянии, вот и приходится остерегаться. Вот если бы вы, Степан Иванович, посватались ко мне и объявили об этом в слободе – тогда другое дело: тогда можно было бы нам вместе потрапезничать в избе, не опасаясь людских пересудов.

– Так, выходи, Мария, за меня замуж, если я, старый хрыч, тебе гош, – ответил Степан на слова Марии.

Вдова замерла от этих слов, а потом тихо ответила: – Нельзя смеяться надо мной, даже если и оказали мне помощь.

– Вовсе и не смеюсь я: выходи за меня замуж, Мария! Я давно к тебе приглядываюсь, да и ты, видно, много обо мне знаешь. Только я старше тебя чуть не в двое, потому и не решился на знакомство и сватовство, чтобы не быть посмешищем в глазах людей.

– Бог с вами, Степан Иванович! Какой же вы старый! Вон как с дровами управились – так и молодому отроку не сладить, – воскликнула радостно Мария, – если вы серьезно предлагаете мне замуж, то я согласная.

От неожиданного согласия вдовы на замужество, Степан даже поперхнулся, а откашлявшись, накинул рушник на Марию и притянул ее к себе, словно при венчании. Мария осторожно прижалась к мужской груди и замерла в успокоении чувств, целый год мучивших ее отсутствием мужской ласки и опоры.

Так, нечаянно, рассчитывая лишь на знакомство с Марией, царский писарь Степан Кобыла получил согласие вдовы на свое сватовство к ней.

Не отлагая дело вдаль, после наступления 7090 года, на рождество Богородицы, Степан и Мария обвенчались в ближайшей церкви и Мария перебралась из своей избы в дом Степана полноправной хозяйкой. Свадьбу они отметили скромно, пригласив лишь ближних соседей и знакомых, среди которых был подьячий Тимофей.

Нраву Мария оказалась спокойного, Степану в делах не перечила, а домашнее хозяйство вела умело. Степан не мог нарадоваться молодой хозяйкой и даже посвящал Марию в свои замыслы, открывшись, что было у него намерение описать жизнь на Руси при царствовании царя Иоанна, прозванного в народе Грозным.

– Хотел я, Мария, описать жизнь нашу и деяния царя Иоанна, пока был бобылем, но теперь, при милой женушке, я этим делом заниматься не буду – теперь забот хватает, потом, Бог даст, детки пойдут, а мои писания только время у нас отнимают, – не раз говорил Степан жене.

Мария, как чуткая жена, поняла Степана, в его увлечении летописным делом, которое не состоялось по причине женитьбы, и однажды, прижавшись к Степану после жарких объятий на супружеском ложе, тихо сказала: – Степушка, родной мой, почему бы тебе не начать делать записи о нашей жизни в Московии, как ты хотел до сватовства.

Я думаю, что летописание не будет помехой в нашей жизни, но поможет тебе в писарской твоей работе в Посольском приказе. Ты сам говорил как-то, что чем больше пишешь, тем лучше получаются грамоты и если наловчиться, то дьяк и подьячие будут поручать тебе не только переписку чужих грамот, но и составление новых, и это будет повышение по службе и жалованье, что пойдет семье впрок. Так что, Степушка, берись за свою задумку смело, а хозяйство наше я и одна смогу вести – год вдовства меня научил справляться со всем. А если муж в почете, то и жене это в радость.

Степан, удивившись мудрости молодой жены, начал вновь интересоваться событиями минувших лет правления царя Иоанна и нынешним его делам, делая короткие записи в книге, что смастерил, переплетя листы бумаги от черновых записей царских грамот, ведя свои записи на обратной, чистой их стороне.

Подьячий Тимофей, застав однажды Степана за изготовлением книги, лишь усмехнулся, поняв задумку Степана, и посоветовал ему: – Ты, Степан, почитай-ка письмо царя Иоанна на пасквильное послание изменника – князя Курбского. Письмо царя поможет тебе понять его чувства и замыслы, что случились лет пятнадцать назад или более.

Степан, вняв совету подьячего, отыскал в запасниках списки с писем князя Курбского и царя Иоанна, и открыл этими списками свои записи о делах царя Иоанна, но перевернув эти записи с конца книги, оставив начало книги для памятных записок. Итак, получилась следующая запись в книге писаря Степана Кобылы.

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ ИОАННА И ИЗМЕННИКА КУРБСКОГО

Первое послание Курбского Ивану Грозному

«Грамота Курбского царю государю из Литвы Царю, богом препрославленному и среди православных всех светлее являвшемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более сказанного говорить обо всем по порядку запретил я языку моему, но, из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного решусь сказать тебе, царь, хотя бы немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах, и чародействе, и в ином непотребстве, и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким?

В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие, по мудрости их, им от бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупной судьей – надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все прегрешения власти их, как говорится: «Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, – судья между мной и тобой».

Какого только зла и каких говений от тебя не претерпел! И каких бед, и напастей на меня не обрушил! И каких грехов, и измен не возвел на меня! А всех причиненных, тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но обо всем вместе скажу: до конца всего лишен был и из земли божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злой за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед богом моим. Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел, в чем же я перед тобой согрешил.

Полки твои водил, и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела господня одерживал для твоей же славы, и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив – преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет трудился, и много пота продал, и много перенес, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым господь мой Иисус Христос свидетель; а как часто ранен был варварами в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю их, что бог их еще лучше ведает. Он ведь, бог, за все это воздаст и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь, думаю, лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского владыки мать, надежду мою

и заступницу, владычицу богородицу, и всех святых, избранников божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины, и заточены, и изгнаны несправедливо, и не радуйся этому, гордясь словно суетной победой: казненные тобой, у престола господня стоя, вызывают об отмщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны вызываем день и ночь к богу, обличая тебя. Хвалишься ты в гордости своей в этой временной и скоро преходящей жизни, измышляя на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, словно жрецы Крона. И обо всем этом здесь кончаю. А письмишко это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, владении государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его королевской, а особенно с помощью божьей.

Знаю я из Священного писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист, и ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который и сегодня шепчет в уши царские ложь, и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже столько сильных в Израиле, что по делам своим он и есть антихрист. Не должно у тебя, царь, быть таким советникам, законе божьем в первом писано: «Моавитянин, и аммонитянин, и незаконнорожденный до десятого колена в церковь божью не входят» и прочая.»

На это письмо Курбского царь Иоанн ответил длинным письмом, что составил самостоятельно и приказал разослать списки с этого письма по всем владениям Московского царства.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому

«Благочестиваго Великого Государя царя и Великого князя Иоанна Васильевича всея Русин послание во все его Великие России государство на крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене.

Бог наш Троице, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются, и властители пишут правду. Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного сына божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь – крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям, и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства.

Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго и великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас, смиренных скипетродержателей Российского царства.

Мы же хвалим бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он доныне, чтобы десница наша обагрялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни

у кого отнять царства, но по божию изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились па царстве, так и воспитались, и возмужали, и Божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали.

Это истинно православного христианского самодержавия, многою властью обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же – отступнику от честного и животворящего креста господня и губителю христиан, и примкнувшего к врагам христианства, отступившего от поклонения божественным иконам, и поправшему все божественные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы, подобно Исавру, Гностезному и Армянину их всех в себе соединившему – князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать Ярославским князем, – да будет ведомо. Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единокровную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя...

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на чело века разъярившись, против бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе пророческие слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради.

Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоился, смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от бога: тот, кто противит власти, противится божьему повелению». Воззри на него и вдумайся: кто противится власти – противится богу; а кто противится богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн.

Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилем добывали царство, тем более поэтому кто противится такой власти – противится богу! Тот же апостол Павел говорит (и этим словам ты не внял): «Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Но это уж воля господня, если придется пострадать, творя добро.

Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни. Но ради преходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом ты попрал, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему, когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова поддался искушению, и отвергся, и не вырастил плода...

Как же ты не стыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и пред всем народом стоял, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и взываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и душу своих предков, ибо по божьему изволению бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой

нарушив крестное целование, присоединился к врагу христианства; и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, нелепости говоришь этими неумными словами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить, подобно ему, перед своим господином.

Писание твое принято и прочитано внимательно. Атак как змеиный яд ты спрятал под языком своим, поэтому, хотя письмо твое по замыслу твоему и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше Полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд, подобно бесу?.. Что ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала?..

А когда ты вопрошал, зачем мы перебили сильных во Израиле, истребили, и данных нам богом для борьбы с врагами нашими воевод различным казням предали, и их святую и героическую кровь в церквах божиих пролили, и кровью мученическою обагрили церковные пороги, и придумали неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброхотов, полагающих за нас душу, обличая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и в ином непотребстве, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желание отца вашего, ибо он был искони человекоубийца и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи».

А сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле: потому что Русская земля держится божьим милосердием, и милостью пречистой богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, но ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить...

Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряли; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А как в других странах сам увидишь, как там карают злодеев – не по-здешнему! Это вы по-своему злобесному нраву решили любить изменников; а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали: если же ты говоришь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят...

Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал; осталась нам надежда только на бога, и на пречистую богородицу, и на всех святых молитвы, и на благословение родителей наших.

Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе, и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца и воевод перебили!

Дворы, и села, и имущество наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча в них палками, а

остальное разделяли. А ведь делал это дед твой, Михаило Тучков. Тем временем князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дядка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли; свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; итак осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать.

Нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – ни как родитель, ни как опекун, и уж совсем ни как раб на господ.

Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бесчестные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначили не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние.

А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество. А как перечсть обиды, которые они причиняли своим соседям?

Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее и говорили так или иначе, и делали... Хороша ли такая верная служба? Вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала, и таким образом спалила Москву, и что будто мы знали об этом замысле.

И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в приделе церкви великомученика Христова Дмитрия Солунского, нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; втащили его в соборную и великую церковь и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь!

Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его

брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сгорело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег!

Во всем видна ваша собачья измена. Это похоже на то, как если бы попытаться окропить водой колокольню Ивана Святого, имеющую столь огромную высоту. Это – явное безумие. В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников?..

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая руками иноплеменников ради нас, вопиет на нас к богу, то раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнил свой долг перед отечеством, и мы тут ни при чем: ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Насколько сильнее вопиет на вас наша кровь, пролитая из-за вас: не из ран, и не потоки крови, но немалый пот, пролитый мною во многих непосильных трудах и ненужных тягостях, происшедших по вашей вине! Также взамен крови пролито немало слез из-за вашей злобы, осквернении и притеснений, немало вздыхал и стонал...

А что ты «мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук в боях и все тело твое изранено», то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по своей воле, возлагаете вину на нас? А если бы и мы это приказали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению.

Если бы ты был воинственным мужем, то не считал бы своих бранных подвигов, а искал бы новых; потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом, не желаешь бранных подвигов и ищешь покоя. Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли заведомыми твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг, в славе, чести и богатстве? Если бы не было этих подвигов, то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем злобесном письме, подвергался ты гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу.

Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: «Чего не можешь взять, не пытайся и брать».

Ты взываешь к богу, мзду воздающему; поистине, он справедливо воздает за всякие дела – добрые и злые, но только следует каждому человеку поразмыслить: какого и за какие дела он заслуживает воздаяния? А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть?..

А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды; поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания.

Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью бога и данных богом государей, а захотели самовольства. Поэтому ты и нашел себе такого государя, который, как и следует по-твоему злобесному собачьему желанию, ничем сам не управляет, но хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам же никем не повелевает...

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году, от создания мира июля в 5-й день (5 июля 1564 г.).»

Сличив два письма: Курбского к царю и Иоанна к князю Курбскому, Степан отдал разумность письму царя, который обличал князя: в неподчинении власти царя, что от Бога и поэтому даже невинную свою смерть князь должен был принять, за что ему воздалось бы в царствии небесном.

– Испугавшись гнева царя, князь Курбский убежал в Ливонию и это малодушие можно простить, но нельзя простить измены, потому что князь Курбский примкнул к королю Польскому Сигизмунду и начал вредить Московскому царству, чему прощения нет, ибо измена, как и прелюбодеяние и стяжательство является смертным грехом и не подлежат прощению.

– Обвиняя царя в кровавых расправах над боярами и воеводами, князь не приводит их доказательств, тогда как царь Иоанн указывает на убийство своего дяди Юрия Глинского во время своего малолетства, когда князья Шуйские навязались в опекуны малолетним царям Иоанну с его братом Георгием, разграбили царскую казну, а братьев малолетних даже не всегда и кормили вовремя, от чего, возможно, брат Георгий и умер много позже, а будущий царь Иоанн, восьми лет от роду остался с братом совсем одни после смерти своей матери – Елены Глинской.

– Видно, оттуда, из детства и идет суровый нрав царя Иоанна с самого малолетства, – решил Степан и начал собирать сведения о той поре, когда царь Иоанн был еще малым дитем при матери Елене Глинской, оставшейся вдовой после смерти Великого князя Василия Третьего, случившейся, когда будущему царю Иоанну было лишь три года от роду.

Детские годы

Воскресным днем июля месяца 1582 года по латинскому исчислению, писарь Степан Кобыла зашел навестить своего соседа и начальника по Посольскому приказу – подъячего Тимофея Гавриловича Тимофеева, который вчера, в субботний день, не появился в приказе, сказавшись больным через мальчонку-посыльного.

Тимофей лежал на печи, укутавшись тулупом. – Никак хворь пристала к Вам, Тимофей Гаврилович, – участливо справился Степан о здоровье подъячего.

– Сам виноват: доставал воду из колодца, неловко повернулся, в спине щелкнуло и получился прострел поясницы, – пояснил Тимофей. – Теперь вот на печи под тулупом греюсь, положив на спину носок с горчицей, что принесла ключница Дарья. Эх, в баньке бы попариться – глядишь спину и отпустит, но Дарья сказала, что от бани может быть хуже, а тепло сухое и горчица дает.

– У меня тоже два года назад прострел спины был, когда дрова колот и потянулся за чурбаном, – ответил Степан, присаживаясь на скамью у окна.

– Я что зашел-то, Тимофей Гаврилович. Помнишь, в прошлом году я говорил о задумке написать про нашу жизнь при царе Иоанне Васильевиче. Потом женился на вдове Марии, по вашему совету, пока то да се и год прошел, но намерения своего я не оставил, да и Мария

поддерживает меня и говорит, что письмо набивает руку и может пригодиться по службе в Посольском приказе, где Вы мой начальник.

Попробовал я писать, но не получилось, – мало знаю, а что знаю – так по слухам больше и что из этих слухов правда, а где ложь, отличить не могу. Хочу, чтобы вы, Тимофей Гаврилович, рассказали мне про нашего царя и наше государство Московское, чтобы я после записал в свою книгу, что специально смастерил. Если Вы пожелаете, то рассказы эти я сейчас писать не буду, а что запишу потом, – непременно покажу вам и более никому.

Сейчас вы болеете, а когда выздоровеете и будет время свободное, может быть, что и расскажете про дела царя нашего – ведь вы старше государя на шесть лет и по слухам видели его с младенческих лет в Кремле, где ваш батюшка служил в Посольском же приказе и тоже подъячим, пока не состарился и не оставил вас на своем месте с согласия дьяка Висковатого.

– Моя болезнь не помеха для разговора, который может отвлечь от боли в спине и потому я согласен рассказать все, что знаю, наверное, про царя Иоанна Васильевича, прозванного в народе Грозным, после победы над Казанью, – ответил Тимофей Гаврилович, оживившись от одиночества на печи, да еще при болезни спины, – спрашивай, Степан, что хочешь узнать о жизни нашей.

– Начните сначала, Тимофей Гаврилович, с самого рождения царя и потом проведите меня по всей его жизни и делам до нашего времени, – попросил Степан, удобнее устраиваясь на скамье.

– Ладно, принеси мне квасу, что стоит в жбане на столе, что-то в горле пересохло и слушай мой долгий рассказ про царское детство, чему лично я свидетель, – сказал Тимофей Гаврилович, отпил квасу прямо из жбана, и начал так:

– Царь Иоанн родился 25 августа 7038 году от сотворения мира в селе Коломенском от отца великого князя Московского и всея Руси – Василия и его жены Елены Глинской.

Елена Глинская была племянницей Литовского князя Михаила, который с родственниками устроил мятеж и после поражения бежал в Москву.

Род Глинских, по преданию шел от племянника Мамай, которого на Куликовском поле побил князь Дмитрий Донской.

Мамай бежал в Крым, где был убит, а племянника хан Тохтамыш отпустил в Литву, где ему дали земли и титул князя. Надо сказать, что Литва тех времен была вторым государством русским: там проживали русичи, православной веры, говорили на русском языке и дела вели на русском языке, пока князь Ягайло не примкнул к латинской Польше и не учинил унию с поляками, перекрестившись в католика и оттого ставшего врагом православной Руси.

Вообще, разделение русских по княжествам чужим произошло в монгольское иго, когда монголы разделили все княжества руссов на три улуса: Великая Русь, Белая Русь и Малая Русь – куда назначались великие князья из русских князей, но по согласию монгольской орды.

За двести лет татаро-монгольского ига, великороссы и белоруссы разделились по языку, и после распада орды монгольской стали отдельными княжествами, а Малороссию захватили Польша и Турция, которые долго воевали и сейчас воюют за эти земли между собой. Это я сказал к тому, что волею судьбы Елена – потомок Мамай, стала великой княжной Московского царства, с которым этот Мамай и воевал, и был бит.

По людской молве, при рождении Иоанна в Коломенском была гроза сильная – так стихия возвестила о рождении сильного владыки земли русской.

Елена была второй женой князя Василия – с первой женой Соломонией, он развелся по причине ее бездетности. Через год у Елены родился еще один сын – названный Юрием, который оказался глухонемым. Год спустя умер Великий князь Василий III – умер, наколовшись на ветку в лесу при охоте. Рана небольшая загноилась, потом появился антонов огонь, и князь, видя свою неминуемую гибель, назначил семерых опекунов для своего сына Иоанна до того времени, когда ему исполнится пятнадцать лет.

Елена оказалась женщиной властной и сразу после смерти мужа, отстранила опекунов от власти и взялась за единоличное правление при сыне. В этих делах ей помогал женатый князь Иван Овчина, про которого говорили, что это он является отцом Иоанна, а не Василий, которому к рождению Иоанна был 50 лет. Так говорят люди, которые не знают Кремлевской жизни, когда царица никогда не остается наедине с посторонними, не говоря уже о прелюбодеянии.

Потом, будучи вдовой, Елена возможно и имела связь с Овчиной, но это не возбранялось для вдовы – главное, чтобы не появились дети от этой связи.

При Елене началась война с Польшей за завоевания Василия III на Балтике. Благодаря Ивану Овчине, война завершилась выгодным для Московии договором, по которому все завоевания Василия III оставались за Россией, а Швецию обязалось не помогать Ливонскому ордену и Литве.

Еще Елена провела денежную реформу, поскольку на Руси ходило много различных монет и Московскому княжеству, разросшемуся при Василии III присоединением Новгорода, Пскова и других уделов необходима была единая монета, понятная во всех местах государства. Такой монетой стала московская денга, но Новгороду было разрешено чеканить монету вдвое тяжелей по весу серебра, и эта монета с изображением всадника с копьем, стала называться копейкой, такая монета применяется до сих пор.

Денежная реформа и другие дела Елены благоприятствовали развитию страны. Была построена Китайгородская стена, которая увеличила защищенную часть Москвы почти втрое и должна была стать преградой от возможных татарских набегов, из Крыма и Казани, которые часто действовали вместе.

Правление Елены при малолетнем Иване до его зрелости могло привести к укреплению государственности, что было противно знатным боярским родам.

Елена руководила страной разумно, приставила к Иоанну учителей, которые к семи годам обучили его чтению и письму, что было рано для его возраста.

Иоанну не было и восьми лет, когда Елена неожиданно умерла – по слухам, была отравлена боярами Шуйскими, которые сами рвались к власти при малолетнем князе Иоанне.

В русской жизни отравления ядами не имели распространения, тогда как в Европе и на Востоке травить соперников было обычным делом. Травили королей, князей и даже римских пап. Видимо, бояре, недовольные Еленой, сговорились и воспользовавшись случаем, отравили Елену крысиным ядом, которым называлась смесь ртути с мышьяком. Этим ядом травили мышей и крыс и, как мне объяснял один купец из Китая, если крысиный яд добавлять в еду понемногу, то человек начинает болеть, чахнуть и вскоре умирает как бы по нездоровью. Так было и с Еленой – здоровая женщина тридцати лет от роду вдруг стала болеть без видимой причины и вскоре умерла.

Шуйские быстро схватили Ивана Овчину, который прятался в покоях у малолетнего князя Иоанна, посадили в тюрьму, где он умер от голода.

Иоанн оказался совсем один при обнаглевших Шуйских, которые грабили царскую казну и даже забывали кормить князя и брата Юрия, о чем Иоанн писал позднее в одном из писаний Курбскому.

– Ты, Степан, читал это письмо и даже переписал его, помнится мне.

Мальчик, оставшись один без присмотра и без учителей, пристрастился к чтению книг из библиотеки своей бабки Софьи Палеолог, которая была из рода Византийских Императоров и вывезла библиотеку в Москву.

Я частенько видел князя Иоанна с книгой в руках, сидящим где-нибудь на задворках. Он не бегал с другими детьми боярскими, которых было много в Кремле, не сражался в мальчиговых сражениях на палках, а внимательно читал книги на греческом языке, которому успел обучиться еще при жизни матери.

Тем временем бояре Шуйские вели себя как полноправные правители, грабили казну, о чем царь Иоанн позднее писал в письме Курбскому, что Шуйские золотые кубки из царских сокровищ переплавили в другую посуду и ставили на ней свои клейма, будто бы эта посуда издавна принадлежала роду Шуйских.

За дележкой власти бояре совсем забыли о врагах, что окружали землю русскую со всех сторон, а враги, воспользовавшись сумятицей во власти на Москве, начали захватывать земли, что отвоевал князь Василий III у татар и у ливонцев.

Татары, обнаглев совсем, постоянно нападали из Крыма и Казани на города Поволжья и к югу от Москвы, уводили русских людей в плен и некому было защитить землю русскую.

Тем и опасна боярская усобица или княжеская вражда, что пока бояре да князья борются за власть и меряются между собой знатностью родов своих, простые люди страдают от вражеских набегов, которым некому дать отпор.

Летописец писал: «Не на слуху, но виденное мною, чего никогда забыть не смогу: Батый протек молнией землю русскую, казанцы же не выходили из нее и лили кровь христиан, как воду... обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих усерзиями и монистами; сыпали горячие уголья в сапоги инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных монахинь; кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезали уши, нос, отсекали руки и ноги!!!»

Воспользовавшись боярской вольницей, наместники в городах и землях русских, собирали подати в свою пользу, не отсылая их в Москву.

Шуйские, вместо наведения порядка в стране и укорота врагов внешних, сами набивали карманы из царской казны, и обращались к крымскому хану с согласием платить дань и признать Казань его владениями. Татары, вступая в переговоры, продолжали нападения на Русь и угоняли людей в плен на невольничьи рынки в Крыму и Стамбуле, так что окраины русского государства совсем обезлюдели.

Через два года бояре, недовольные властью братьев Шуйских, поставили во главе Боярской Думы князя Бельского, которого патриарх Иоасаф освободил из тюрьмы. Но Бельский правил недолго и Шуйские, которых Бельский простил, воспользовавшись удобным случаем, когда Бельский в войне против татар заставил их отступить и, празднуя победу, отпустил войско. Шуйские устроили переворот, арестовали Бельского и отправив его в ссылку, наняли убийц, которые прикончили князя в тюрьме, а митрополита сослали в монастырь, взамен назначив новым митрополитом святителя Макария.

Этот Макарий, будучи образованным богословом, занимался, видимо, и обучением князя Иоанна – по крайней мере я в Кремле часто видел их вместе, прогуливающимися вдали от людских мест. Так князь Иоанн, самостоятельно получил образование, читая книги своей бабки и поучаясь у святителя Макария.

Но книги-то князь читал богословские, в которых Господь учил людей вере истинной и наказывал людей грешных без всякой жалости.

Грешны люди? Вот вам потоп всемирный, который погубил всех людей, кроме Ноя с семьей.

Снова грешат люди? Вот вам небесный огонь на города Содом и Гоморру. Согрешил Адам с Евой – вон из рая! И таких примеров Божьей кары на людей в Писании много-много.

«Ты это не пиши, Степан, – это мое мнение, и оно пахнет ересью, поскольку в церквах молятся о Божьей милости, не замечая Божьих наказаний, многие из которых весьма жестоки к людям», – сказал Тимофей, отпил кваса и продолжал:

– Юный князь Иоанн, читая богословские книги, понял, что с врагами нужно поступать жестко, как Господь поступал с отступниками веры.

Потому, наверное, когда князь возмужал, он никогда не колебался с наказанием врагов своих и предателей государства, вызывая осуждение в жестокости, слухами о которой эти враги и порочили честь и разум князя Иоанна.

Бог есть любовь – говорится в Писании, но любви божьей, нам людям, творениям Божьим, как раз и не хватает. Наказывать людей, проще, чем возлюбить, потому-то в Писании мало слов о любви и много слов о наказании Божьем, а посмотришь на нашу жизнь брнную, и здесь больше князья да бояре стремятся к наказанию вместо любви. И то верно: какая может быть любовь боярина к холопу, если между боярами вражда, зависть и предательство даже среди родственников. Елена Глинская, когда начала править посадила в тюрьму своего дядю и двух братьев мужа, которые умерли в тюрьме от голода: убить без суда нельзя, а с голода вроде бы сами померли родственники и Божья заповедь «не убий» нарушена не была.

Посмотри, Степан, на десять заповедей Христа:

Десять заповедей

Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози инии, разве мене.

Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земле низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, не послужиши им.

Не приемли имене Господа твоего всуе.

Помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твои, в день же седьмой, суббота, Господу твоему.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетай будеши на земли.

Не убий.

Не прилюбы сотвори.

Не укради.

Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, на рабыни его, ни вола его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.

Там есть заповеди о любви к Богу и есть запреты на действия людей между собой: не убий, не прелюбодействуй, не укради, не доноси, не завидуй, но нет заповедей о любви людской.

В Нагорной проповеди Христос, отвечая фарисею о самой великой заповеди, ответил ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь.

Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповедей нет».

О любви к Богу говорится подробно: и душой, и телом, и разумом, но про любовь к другому человеку сказано неясно! Кто такой ближний и почему его надо любить? Если это жена твоя, – такая любовь понятна, но Господь никогда не говорил о любви между женой и мужем.

Но как любить другого человека, как самого себя? Это получается, что себялюбец любит другого, тоже себялюбца, а любить себя – это гордыня, которая Господом осуждается и поэтому люди между собой не любят друг друга, а напротив, злобствуют и нарушают заповеди: не убий, не завидуй и прочие. Сказал бы Господь, как нужно любить друг друга между людьми, а лучше внес бы любовь эту в души человеческие и не потребовалось бы ему устраивать потоппы, сжигать города, напускать бедствия на людей, чтобы карать их за грехи.

Царь Иоанн, будучи малого возраста, начитался священных книг и проникся любовью к Господу, но не проникся любовью к людям и потому считал, видимо, что людей надо карать, подобно Господу, за проступки их и за грехи заповедные, но карать так, чтобы человек не совершал большего греха впредь, если наказание не будет соответствовать проступку.

Известно из десяти заповедей, что убийство, прелюбодейство и предательство не подлежат прощению и не могут быть забыты со временем, а потому за эти грехи нужно карать жестоко, не позволяя человеку совершать их вновь и вновь.

Жаль, что царевич Иоанн учился житейской мудрости по священным писаниям, где Господь прославляется, а люди подвержены грехам тяжким и подлежат наказанию.

Особенно тяжким грехом княжич Иоанн считал измену, потому что от измены нет защиты, кроме наказания изменника. Но наказание изменника следует лишь после измены, когда дело поправить уже нельзя или очень сложно.

Так Иуда предал Христа, и Господь наш был распят на кресте, а Иуда повесился сам на осине, но поправить предательство было уже нельзя.

Поэтому царь наш Иоанн с юных лет боролся с предательством среди бояр и князей, иногда, стараясь предупредить измену, по доносам карал предполагаемых изменников, а оказывалось, что изменниками были сами доносители, ведь в душу человеку не заглянешь и мысли в его голове не прочитаешь, как говорят люди: чужая голова – потемки.

Тимофей умолк, погрузившись в воспоминания о давних временах, потом тряхнул головой и продолжил:

– Я тогда выюношей был и частенько навещал отца своего – Гаврилу Тимофеева, который служил подьячим в Посольском приказе, как я сейчас, и давал мне мелкие поручения, приучая к службе. Посольский приказ примыкал в Кремле к царскому дворцу, из которого можно было пройти в Приказ.

Как-то поспешая к отцу, я заметил отрока Иоанна с митрополитом Макарием, беседующими на скамье подле крыльца для людского входа.

Они говорили громко, и я расслышал, как княжич Иоанн сказал, что когда войдет в возраст, то провозгласит себя царем Московии и всея Руси, чтобы подобно императорам римским, именуемым цезарями, откуда и пошла суть титула царь, править единолично, дабы возвыситься над боярскими родами и прекратить свору между ними за знатность и древность рода.

Митрополит поддержал намерение княжича, но сказал, что царем его должна провозгласить церковь, поскольку всякая власть есть от Бога и если церковь повенчает Иоанна на царство Московское, то этой власти не смогут оспорить бояре, и смута боярская прекратится.

Иоанн согласился с митрополитом и обещал, что, войдя во власть, он будет править по христовым заповедям, которые суть откровение Божье.

О чем они говорили дальше, мне слушать не удалось, но дальнейшие поступки Иоанна свидетельствуют о том, что он следовал своему обещанию, данному митрополиту Макарию еще в отрочестве.

Боярское правление на Москве продолжалось во вред Государству. Дума приняла решение, что любой указ князя должен быть одобрен Думой и Иоанн, утвердил это решение, поскольку формально, все указы и решения выпускались от имени князя.

Юный Иоанн продолжал свое обучение по книгам, многие из которых выучил наизусть, например, Псалтырь. Друзей у князя не появилось, и он проводил время за книгами в обществе брата Юрия, который был глухонемым от рождения. Общение с братом научило Иоанна угадывать намерения человека по его лицу, жестам, что помогает нашему царю распознавать поступки людей, поражая их своей проницательностью.

В это время возле царя появился Алексей Адашев, который будучи старше Иоанна, пользовался его доверием и дружбой, проявляя усердие в совместных молитвах, которым Иоанн посвящал многие часы. Этот Адашев потом будет многие годы доверенным лицом царя Иоанна и много раз обманет царя, умело скрывая свои замыслы.

Здесь случилась история, которая показала суровый нрав царя Иоанна, воспитанного одиночеством, молитвами и священным Писанием. Около него появился некий Федор Воронцов из знатного рода. Он понравился Иоанну, но ближние бояре Шуйские не захотели общения

Иоанна с Воронцовым, посоветовали ему держаться от Иоанна подальше, чему Воронцов не вник и был жестоко избит боярами прямо в Думе на глазах юного Иоанна, который молил, со слезами, не убивать Воронцова, не садить его в тюрьму, а выслать в ссылку, если тому нельзя появляться близ Иоанна.

Шуйские смилостивились, решили выслать Воронцова, а Иоанн утвердил приговор, но не забыл обиду свою и оскорбление его власти.

Осенью, когда Иоанну уже исполнилось 13 лет, он поехал на охоту – поехал впервые, там, видимо, сговорился с боярами из свиты, среди которых не было Шуйских, продолжавших грабить царскую казну в Москве.

Вернувшись с охоты в ноябре, Иоанн на заседании Думы вдруг приказал арестовать князя Андрея Шуйского – предводителя рода Шуйских, и отправить его в тюрьму. Приказ Иоанна исполнили псари, что были на охоте вместе с князем, но по дороге в тюрьму убили Шуйского.

Потом были наказаны и другие участники избиения Воронцова, а он сам был возвращен из ссылки. Юный князь Иоанн не мог до своего 15-летия править самостоятельно, и изгнав Шуйских со сторонниками, приблизил к себе родственников матери – князей Глинских, других бояр, не связанных с Шуйскими, которые стали править страной от лица князя, который продолжил свое обучение на книгах священного Писания – книгам он доверял больше, чем людям.

Новые бояре оказались не лучше прежних, Шуйских, и потому управление страной происходило абы как, с воровством, стяжательством и произволом как московских бояр, где все роды были переплетены родственными узами, так и в других городах и уделах, где правили наместники.

До совершеннолетия Иоанна оставалось еще два года, которые прошли мельком, не оставив мне воспоминаний, – закончил подьячий Тимофей свою речь о детских и отроческих годах царя Иоанна Васильевича, прозванного в народе Грозным.

– Спасибо вам, Тимофей Гаврилович, за ваши слова про детство нашего царя, дай Бог ему здоровья, – молвил Степан, – меня в те годы еще не было на свете, а в народе всякие слухи ходят про лютость царя Иоанна, будто бы мучил он животных с малства. Любил смотреть как людей казнят, потом, немного подросши, стал проявлять похотливость к девкам, кутил с приятелями – боярскими детьми и прочие скверные слова шепотком доносят эти слухи до людских ушей.

– Это, Степан, все промысел врагов – предателей нашего царя, – пояснил Тимофей, – ведь пустить слух поклепный просто, а приглушить и опровергнуть такой слух уже невозможно. Вот про царя нашего еще говорят, что сильно хворый он сейчас и почти обезумел от крови людской, а ему Господь сынка Дмитрия послал от молодой жены – значит, не хворый он, а есть в нем мужская сила. На прошлую субботу видел я царя Иоанна в церкви Покрова на обедне: он вполне здоров с вида и в уме здоров находится.

Про детские годы и вовсе брехня! Посуди сам, когда царю смотреть на казни было, если казней этих совсем немного, да и выполнялись они на Болотной площади вдали от Кремля? Насчет девок и вовсе вранье – царь очень набожен и к блуду относится очень строго, ибо это один из смертных грехов. Я тебе как-нибудь расскажу о царских женах, и ты поймешь его отношения к женщинам и к плотской утехе.

А сейчас поспешай к своей женушке Марии, небось заждалась своего сокола и постельку согрела, а тебя нет и нет, потому что слушаешь ты речи старого подьячего о прошлых временах и не торопишься к жене милой, – пояснил Тимофей слухи про царя Иоанна, добавив:

– Кажется, за разговором этим у меня и спину отпустило. Помогите-ка, Степан, слезть с печи: надо нужду справить, хлебушка откусать с молоком, а там и на боковую пора, пока хворь совсем не отступит. Как говорится: утро вечера мудренее.

Степан помог Тимофею Гавриловичу спуститься с печи, тот осторожно прошелся по горнице, понял, что боль отступила, но не прошла окончательно, и занялся хлопотать насчет ужина, а Степан, попрощавшись окончательно, пошел к своему дому, где его ожидала жена Мария.

– Повезло мне с женою, хотя и вдовая была, – улыбался Степан, пробираясь ночной улицей. – Никогда не скажет слова против моей воли, даже эти беседы с Тимофеем поддерживает. Другая бы сказала: – Что проку от твоих замыслов книгу написать про нашу жизнь, лучше бы хозяйством занимался, да службе усердия больше оказывал, для повышения жалования, а моя Мария не перечит и в этом деле.

Говорят, что вдова, словно кукушка, живет чужим гнездом, но моя Мария живет со мною, будто я ее суженый был изначально, и никогда у нее не было первого мужа. С Марией я совсем забыл про свое горе-злосчастье, про первую жену мою и детей наших, что сгинули при татарском нашествии. Прости меня, Господи, за мысли мои грешные и забывчивость, но горем дела не поправить, а в супружестве с Марией мы оба вновь обрели и семью и надежду на деточек, что Господь нам должен принести.

А жене своей пропавшей, и деточкам своим, сгинувшим в пожаре Московском, я завтра же поставлю свечи в храме Покрова за помин их душ безгрешных, – закончил Степан свои мысли, толкнул калитку и пошел к дому, за дверями которого его ждала жена Мария с лаской и заботой.

Начало власти

Две недели спустя, вечером, Степан снова навестил своего соседа Тимофея, интересуясь состоянием здоровья своего подьячего – на службе тот не появлялся, а навестить Тимофея на дому было недосуг.

Подьячий оказался дома и баловался горячим чаем с медом – накануне был медовый спас и подсластиться медком никому не возбранялось.

– Заходи, Степан, угощайся медком под чаек на зверобое – тебе будет в самый раз взбодриться для молодой жены, – пошутил подьячий, покрывая жидким медом ломоть хлеба так, чтобы не дать убежать сладкому меду с куска, но и самому не слепить пальцы.

Вместе со Степаном в открытую дверь дома залетели несколько ос и с жужжанием стали крутиться возле плошки с медом, а одна из ос, не выдержав соблазна, плюхнулась в вязкую жидкость и напрасно старалась выбраться из сладкого плена.

– До чего же они падки на мед, – сказал Тимофей, достал деревянной ложкой осу из меда и ударил ложкой об стол, освобождая осу, которая, измазавшись медом, не могла взлететь и принялась поедать мед со своего брюшка и крыльев.

– На сладость меда не только осы тянутся, но и люди: где еще попробовать сладость, как не от меда? Потому на Руси издревле занимаются бортничеством и пчеловодством, что лучшей сладости, чем мед, нет на всем белом свете. «Слышал я, что есть в дальней стране Китае похожая сладость, которую называют сахаром, но пробовать самому не приходилось», – сказал Степан, усаживаясь на лавку возле стола, перекрестился на образа, взял кусок хлеба, намазал медом и принялся усердно жевать всухомятку.

Закончив трапезу, Степан облизал пальцы, на которые пролились медовые нити с куска хлеба, и спросил Тимофея, который продолжал прихлебывать чай, вприкуску с медом.

– Что-то Вас, Тимофей Гаврилович, долго не пришлось видеть, вот я и заглянул по-соседски, справиться о вашем здоровье. Не болит-ли спина, или какая другая хворь привязалась? Вы в почтенном уже возрасте и болеть вам не зазорно, но помощь от соседа может пригодиться.

– Здоров я, Степан, – ответил Тимофей, заканчивая чаепитие, – меня не было в Москве с прошлой недели: по указанию боярина Годунова пришлось съездить в Брянск и передать

грамоту для воеводы, по случаю замирения с поляками. Зачем мне пришлось ехать – это разглашению не подлежит, но вчера я возвратился и вот сегодня отдыхаю дома и медком балуюсь. Если есть время, могу еще сказку про нашего царя Иоанна сказать – как, Степан, готов слушать старика?

– Конечно, Тимофей Гаврилович, дело к вечеру, делать нечего, да и Мария моя пошла к соседке посудачить про женские дела. Помнишь, наверное, из семейной своей жизни, если бабы между собой завяжутся языками, то развязки долго ждать надо – ответил Степан и попросил подьячего: – Скажи-ка, Тимофей Гаврилович, о самом начале царствования Иоанна, когда он стал править единолично.

Хорошо, сосед, только пойдем из дома на крылечко, где и поведу я речи про царя Иоанна – мне на солнышке думается проще и легче.

Соседи вышли на крыльцо, присели, и Тимофей Гаврилович начал свой рассказ.

– В прошлый раз мы вели беседу о детстве Иоанна и его отрочестве, теперь начнем про его полную власть говорить.

Отстранив Шуйских от управления государством, Иоанн поручил дела своим родственникам по матери – князьям Глинским, поскольку сам править еще не мог – не исполнилось ему пятнадцати лет, в которые, по воле отца, он должен был стать властным правителем.

Но бояре давно переплелись родственными связями, и замена одних бояр на других не освобождает страну от боярского самовластия, которое за годы взросления Иоанна поразило все государство Московское.

Царь ввел новый придворный чин – стольник, в которые набрал своих ровесников из знатных родов, и эти стольники прислуживали на парадных пирах за государевым столом. Но дети самовластных бояр были такими же стяжателями, как и их отцы и потому в стране никаких перемен к лучшему не происходило: бояре наживались, а народ беднел и не имел защиты от всяческих врагов: татар, поляков, турок и прочих желателей захвата русских земель.

Царь Иоанн пытался одернуть бояр, наказать их, но за наказанных тут же вступались родственники из Думы, и все получали прощение.

В декабре 1544 года крымские татары снова напали на южные окраины Москвы, царь приказал наказать татар, но бояре, назначенные воеводами, перессорились из-за старшинства: кто будет командовать войском, и войско осталось на месте, а татары, разграбив поселения, ушли с добычей.

Весной следующего года царь Иоанн решил предпринять поход на Казань и назначил командующим князя Микулинского, который протянул время и вместо похода всем войском, ограничился коротким набегом на татар.

Это я говорю к тому, что бояре совсем не слушались царя и делали, что хотели, не опасаясь наказания царского за свое ослушание.

Наконец царь Иоанн достиг совершеннолетия и сразу же захотел затеять новый поход на Казань, лишь прошла зима. Русские войска сосредоточивались вдоль Оки, но войско собиралось медленно, бояре не желали участвовать в войне, а насильно собранные крестьяне обратились к царю с жалобами на бояр, у которых тут же оказались заступники.

Был случай, когда царь поехал на охоту и ему преградили дорогу в лесу несколько десятков воинов, желавших дать царю челобитную, но бояре из свиты царской приказали стрелять по бунтовщикам. Пролилась кровь, говорили про заговор против царя, потому что воины не могли знать, какой дорогой поедут царь со свитой – значит их кто-то уведомил – так объяснили царю, и он пуще прежнего стал остерегаться заговорщиков, приказав отыскать и наказать виновных в заговоре. Приказ исполнили ближние бояре, несколько человек, в том числе бояр Воронцовых, казнили – видно бояре из Думы не простили Воронцову его близости к царю в прошлые годы и оклеветали его.

Царь как бы правил государством, но порядки оставались прежними, что и при боярском правлении.

Чтобы обрести полную власть Иоанн решил венчаться на царствие, и венчание это должна была сделать церковь, ибо всякая власть есть от Бога, а церковь и есть промысел Божий и потому власть царя, освященная церковью, должна была стать нерушимой для бояр и всего народа русского.

Еще царь объявил, что намерен жениться – ведь только женатый человек считается на Руси взрослым и самостоятельным.

О своих намерениях Иоанн объявил митрополиту Макарию при всех знатных сановниках:

«Уповаю на милость Божию и на святых заступников земли русской, имею намерение жениться, ты отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствиях, но рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземною: будет ли тогда супружество счастливым? Желаю найти невесту в России по воле Божией и твоему благословению».

«Еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и венчаться на царство.»

16 января 1547 года утром Иоанн прошел в церковь Успения «Вступив в церковь государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие; митрополит благословил его, служили молебн. Посреди храма на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые золотыми наволоками; в ногах лежали бархаты и камки; там сели Государь и Митрополит. Пред амвоном стоял богато украшенный аналой с царской утварью; Архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего Христианского Давида силою Св. Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и милостивое око для послушных. Наряд завершился возглашением нового многолетия Государю».

«Как скоро Государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать Царское место, всякий хотел иметь лоскут наволоки, на память великую дня для России».

13 февраля состоялось венчание царя Иоанна с Анастасией из рода Захарьиных-Юрьевых, невесту ту царь выбрал из многих, по совету Митрополита. Род Захарьиных не участвовал ни в каких заговорах и не принадлежали к противникам царя.

Венчал молодых митрополит Макарий, который сказал новобрачным: «Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели; а добродетель вечна есть правда и милость. Государь! Люби и чти супругу; а ты, христолюбивая царица, повинуйся ему как святой крест Глава Церкви, так муж глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные узрите благая Иерусалима и мир во Израиле».

«Супруги вышли на ступени храма Богородицы. Их славил множество людей, собравшихся в Кремле, восхищались ими – такими молодыми, красивыми, счастливыми. На свадьбе гуляла вся Москва. Раздавались милостыни, прощались осужденные, шумели веселые пиры».

Но супруги не пили хмельного, ибо обычаю русскому, их задачей было произвести здоровых детей, а известно всем, что от хмельного часто рождаются больные дети.

Царь с царицей отправились на богомолье, а когда вернулись, после Пасхи, случился первый пожар на Москве, потом еще и еще, и наконец, в июне, случился «Великий» пожар, когда погибло несколько тысяч человек.

Царь собирался в поход на Казань, но из-за пожара, поход пришлось отложить и заняться восстановлением Москвы.

Именно на пожаре возле царя вдруг оказался священник Сильвестр, который пробился в духовники к царю и стал советовать неопытному еще правителю, что и как нужно делать,

чтобы править народом. В первую очередь этот Сильвестр посоветовал царю править вместе с Боярской Думой.

Поп Сильвестр, пользуясь набожностью царя Иоанна, внушил ему, что пожары Московские – это есть наказание Божье за грехи царские, за гордыню, и потому надо править Русью смиренно, вместе с боярами. Царь послушался этих советов, и указы царские стали издаваться с начальными словами: «Мы с братьями и боярами уложили...»

Сильвестр, как говорили втихомолку на Кремле, даже отношения царя с женой Анастасией, регулировал, указывая, когда и как царю общаться с женой. В это время среди соседей Руси в Европе получил распространение католический канон, считающий плотское общение мужа с женой грехом и знатные люди общались с женою при монахе или священнике, который держал в руке свечку и читал молитвы, потому и пошло в Европе выражение, что о грехе прелюбодеяния кого-то с кем-то мол ничего не известно, так как я свечки при этом не держал.

Алексей Адашев, который заслужил доверие царя еще в малолетстве, убедил Иоанна, что следует ему править с согласия ближнего круга бояр, в который вошли семь или восемь знатных бояр, сам Адашев, хотя он и был не знатного рода, и конечно, поп Сильвестр, которые вместе стали называться «Избранной радой».

Этот Сильвестр с Адашевым убедили царя, что изменники и заговорщики Шуйские и прочие вовсе не виновны и их следует оправдать, что царь и сделал.

Потом родственников царя Глинских и близких к ним бояр царь отдалит в ссылку, а вместо них стали править в уделах и на Москве другие бояре, близкие к «Избранной раде». Но новые управители продолжали хищничать за счет крестьян и даже мелких дворян. «Избранная рада» стала, по сути, высшей судебной инстанцией, осуществляла назначения воевод и наместников, распределяла награды, вотчины, жаловала в боярство, изгоняла со службы.

«Сильвестр «правил русскую землю... за один с Адашевым».

Для восстановления Москвы после Пожара были подняты налоги, отчего «крестьянам была тягота великая».

Царь наш Иоанн, следуя советам попа Сильвестра и боярина Адашева молился за грехи свои и подписывал указы, что они сочиняли и этими указами было нельзя наказывать смертью за измену или заговор, а лишь ссылкой виновных или откупом, который назначала «Избранная рада».

Царь, обучившийся по церковным книгам, верил, что любое событие в его жизни совершается по воле божьей и поэтому надо неустанно молиться, и молиться, прося у Господа прощения за свои грехи истинные и мнимые, а Господь услышит и простит. Но как говорит русская пословица «На Бога надейся, да сам не плошай».

Итак, царь отдал правление страной на откуп своим доверенным лицам Сильвестру и Адашеву, а сам занимался богомольем вместе со своей женой Настасьей, в которой он нашел добрую жену и советчицу, а кроме жены Иоанн занимался подготовкой к войне с татарами, что ему не удалось с самого начала правления: то воеводы не смогли упредить татар в их набегах на окраины Руси, то московский пожар отсрочил походы на татар; как идти на татар, если позади тебя Москва, погоревшая почти целиком?

Вот и посуди, Степан, мог ли царь Иоанн управлять самодержавно Русью, если его советники убедили царя разделить власть с «Избранной радой» и ближайшими родственниками, среди которых были глухонемой брат Юрий и двоюродный брат Владимир Старицкий, – закончил Тимофей свой рассказ о начале правления царя Иоанна и притих, греясь в закатных лучах августовского солнышка, которое греет по-летнему, но уже не обжигает, а ласкает.

– Погоди-ка, Тимофей, – ответил Степан на рассказ подьячего, – почему ты решил, что поп Сильвестр и Адашев-боярин правили при живом царе и нанесли этим ущерб царской власти и Руси?

– Потому что царь Иоанн сам это вскоре понял, но ничего поделать не мог, поскольку слово дал править вместе с боярами и это слово считал нерушимым. Но как только смог, Иоанн отстранил и Думу, и попа Сильвестра и Адашева от всякой власти и наказал их сурово за причиненный вред стране.

Ты думаешь, Степан, стал бы я возводить поклеп на этих помощников царя, если бы сам царь их не наказал? Теперь, когда воля царя Иоанна исполнилась и вредители наказаны, можно говорить открыто об их злодеяниях для Руси и царя Иоанна, а в те дальние времена, стоило бы мне только рот открыть, как подручные этих господ в миг упекли бы меня в тюрьму или голову отрубили на плахе Болотной площади, – пояснил Тимофей.

– Еще мне непонятно, почему Иоанн венчался на царствие, а не королевство, как принято сейчас в Европе, – продолжал Степан свои расспросы.

– Потому, что его дед уже венчал своего сына Дмитрия на царство Московское, но Дмитрий умер, не успев вступить на трон. Кроме того, будет тебе известно, что Московские князья считают себя продолжателями дела византийских императоров, потому и величают Москву третьим Римом, а император по-латински означает цезарь – отсюда и русское слово царь произошло: получается, что царь-император выше королей, так и Русь, ставши царством, оказалась выше королевств Европейских.

– Еще мне интересно, как это Иоанн выбирал себе жену, – продолжал Степан, – я слышал про следующих жен царя Иоанна, но как из сотен девиц знатных выбрать себе одну в жены, не представляю. Свою жену первую я выбрал на соседней улице по пригляду, попросил ее согласия, и лишь потом заслал сватов, опять же по согласию своего отца.

– Выбрать невесту из многих девиц – дело нехитрое, как говорится: жениться, не напасть, как бы потом не пропасть, – усмехнулся Тимофей. – А дело происходит так: по городам и вотчинам едут царские гонцы, которые отбирают пригожих девиц знатных родов. Потом везут в Москву, где их осматривают вначале бояре из приближенных царя, отбирают лучших, которых осматривают бабки-повитухи на целомудрие и отсутствие скрытых изъянов, и лишь после этого девиц показывают царю, он выбирает приглянувшихся, потом говорит с ними и останавливает свой выбор на одной, которую и объявляют царской невестой, а остальных девиц отправляют по домам, щедро наградив, чтобы не таили обиды или зла на царя, что не выбрал их в невесты.

Царь Иоанн избрал из девиц себе в невесты «юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной, которой муж, Иоанн Юрьевич, был окольничим, а свекор боярином Иоанна III. Род их происходил от Андрея Кабалы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке, но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединение с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже необходимою принадлежностью счастливой царской невесты».

Степан удовлетворился разъяснениями Тимофея, но продолжал свои расспросы.

– Скажи-ка, Тимофей Гаврилович, а почему царь Иоанн, вступив в силу власти, не покарал заговорщиков, что отравили его мать, и оставили царя и брата Юрия сиротами беззащитными?

– Советники царя, Сильвестр и Адашев, убедили Иоанна, что, царя отравили Шуйские, которых царь уже покарал, но никакого заговора не было. Мол, Шуйские злодействовали в одиночестве, а остальные бояре здесь не участвовали и даже не знали об злом умысле бояр Шуйских. Царь Иоанн тогда поверил своим советникам, но много лет спустя вернулся к поиску отравителей своей матери, Елены Глинской, и своих жен и детей и жестоко покарал их.

– Что еще важного сделал царь Иоанн в начале своего правления? – спросил Степан, – женился, венчался на царствие, но что-то сделал самостоятельно?

– Царь Иоанн, несмотря на молодость и вопреки советам близких бояр с Сильвестром и Адашевым, хотел навести порядок в управлении страной и потому дал приказ подготовить уложение о правлении – судебник, где расписать, что и как делать простым людям и знатым боярам. Такой судебник был принят его дедом – Иваном Третьим, но царь хотел его улучшить, и этим укрепить царскую власть, согласно новым потребностям России, которая из княжества стала царством.

«Иоанн и добрые его советники искали в труде своем не блеска, не суетной славы, а верной, явной пользы, с ревностною любовью к справедливости, к благоустройству; не действовали воображением, умом не обгоняли настоящего порядка вещей, не терялись мыслями в возможностях будущего, но смотрели вокруг себя, исправляли злоупотребления, не изменяя главной, древней основы законодательства: все оставили, как было и чем народ казался довольным; устраняли только причину известных жалоб; хотели лучшего, не думая о совершенстве и без учености; без феерии, не зная ничего, кроме России, но зная хорошо Россию, написали книгу, которая будет всегда любопытною, доколе стоит наше Отечество: ибо она есть верное зеркало нравов и понятий века».

– По новому Судебнику ограничивались права местничества и волостителей, упорядочивались подати с крестьян, наместник не мог арестовать человека, не предъявив его вины земскому старосте и двум целовальникам, которые избирались в каждом городе. Тяжкие преступления решались только в Москве и к таким относятся семь преступлений, наказываемых смертью: убийство, предательство, ограбление храма, похищение людей, поджог дома с людьми, – Тимофей задумался немного и признался – не припомню еще двух преступлений, кажется, содомия и изнасилование, но суть не в этом, а в том, что в Европе наказывают людей смертью за малейшую провинность, о чем я знаю, наверное, из бесед с иностранцами, что приезжают в Россию по торговым или ремесленным делам.

Для утверждения Судебника и решения других вопросов, царь Иоанн собрал церковный Собор, который называли Стоглавым, потому что постановления Собора составили 100 глав. Этим Собором был утвержден Судебник, упорядочены церковные обычаи, и еще много вопросов, в том числе и по военным делам, ибо царь уже увидел слабости войска русского при организации первого похода на Казань, который так и не состоялся по причине местничества между воеводами за право первенства в войске, – закончил Тимофей свои пояснения, но вдруг встрепенулся и добавил: – Чуть не забыл, что царь Иоанн еще до церковного Собора учредил своим указом правительственные учреждения: Челобитный, Разбойничий и другие приказы. Во главе каждого приказа поставили дьяка, ему в помощники назначались подьячие, писари и служки, которые решали вопросы управления делами, по которым и назывался Приказ. К слову сказать, наш Посольский приказ был учрежден одним из первых, и мы занимаемся вопросами отношений с другими государствами, королевствами, княжествами иностранными и прочими, что тебе, Степан, вполне известно.

Царь учредил регулярное войско – стрельцов из трех тысяч лучших воинов – этим стрельцам установили жалование в 4 рубля в год, дали оружие и поселили в отдельной слободе, рядом с царским дворцом в Воробьево.

Тимофей умолк, задумавшись, а Степан, попрощавшись, вышел вон, чтобы не утомлять подьячего новыми расспросами – и так беседа заняла весь вечер, и пора было возвращаться домой, где его ожидала верная жена Мария с готовым ужином из пшенной каши с медом и яблоками.

Казанские походы

Следующая беседа Степана с подьячим Тимофеем о правлении царя Иоанна случилась через неделю, когда вновь жена Мария отлучилась к соседке по бабским делам, посоветовав

мужу не маяться в безделии по дому, а навестить подьячего Тимофея и провести с ним вечер за беседой, о которых Степан отзывался очень одобрительно. Жена Мария, видя интерес мужа, всегда поддерживала его, чем заслужила доброе отношение Степана: любой муж желает одобрения и поддержки своей жены во всяких делах своих, если жена ему в радость, а не в тягость.

Вдова Мария, вновь став мужней женой, прилепилась к Степану не только телом, но и душой, и охотно поддерживала его намерение написать книгу о житии на Москве при царе Иоанне, полагая, что такое намерение, если исполнится, поможет Степану возвыситься из простых писарей Посольского приказа до чина подьячего, учитывая, что сосед Тимофей уже преклонного возраста и передаст свое место Степану, когда силы оставят его окончательно.

Подьячий Тимофей встретил Степана приветливо, угостил его чаем, настоящим на листьях малины и смородины, и сам вызвался продолжить разговоры о деяниях царя Иоанна, сказав следующее:

– В прошлый раз я говорил о том, как царь Иоанн вступил во власть и начал править с помощью советников: попа Сильвестра и Адашева, которые хитростью уговорили царя поделиться властью с Боярской Думой.

Но было у царя Иоанна свое намерение, которым он не хотел делиться даже с советниками – это усмирить казанских татар и защитить Русь от их набегов.

В начале, я скажу о татарах. Когда монголы с ханом Батыем напали на Русь, в их войске было очень много татар, которые проживали в Сибири, на Волге и в Крыму.

Хан Батый, захватив почти всю Русь, сделал нашу страну вассалом своего ханства, которое он назвал Золотой Ордой, а столицу-город Сарай, основал в низовьях Волги, неподалеку от того места, где нынче стоит город Астрахань.

Русь платила дань Золотой Орде, пыталась освободиться от монгольского ига и при князе Дмитрии, прозванном Донским, победила монгольского предводителя Мамай в битве на Куликовом поле. Мамай бежал в Крым, где был убит, а власть в Золотой Орде захватил хан Тохтамыш, который через год после Куликовской битвы захватил и сжег Москву, и московские князья продолжали платить дань Золотой Орде.

Потом, через сто лет, Московский Великий князь Иван III – дед нашего царя Иоанна, прекратил платить дань Золотой Орде, хан которой, Ахмед, собрал большое войско, хотел снова покорить Русь, напал на нас, но на реке Угре не решился на битву, простоял два месяца и отступил – так кончилась для Руси монгольское иго.

Золотая Орда распалась на несколько ханств, среди которых были Казанское, Астраханское, Сибирское и Крымское. Эти ханства враждовали между собой, но иногда вместе или поодиночке нападали на русские города, грабили их, уводили людей в полон и защититься от этих набегов было трудно – поди угадай, где и когда татары нападут, а содержать войско по всей границе с татарами нет никакой возможности. Особенно досаждало Руси ханство Казанское, потому что оно вблизи городов русских и внезапными набегами татары зорили русские города и села, причиняя вред земле и людям.

Наконец, дед царя Иоанна много лет воевал с Казанским ханством, даже захватил Казань в 1487 году и поставил там своего хана, который признал себя покорным Москве.

Но татары постоянно изменяли своему слову, устраивали перевороты, а однажды, в год смерти князя Ивана III, устроили погром, убили всех русских в Казани и снова стали нападать на русские земли.

Отец царя Иоанна, Великий князь московский, или как он себя величал «Великий Государь Василий, Божией милостию царь и господин всея Руси» много лет воевал с Казанским ханством: иногда он одерживал победы и ставил ханом союзника Москвы, а иногда казанцы, объединившись с крымцами, одерживали верх и однажды осадили Москву и взяли с Василия III грамоту, что он признает себя вассалом Казани, но в конце правления князя Василия у власти в Казани оказался хан Джан-Али, который признавал власть Москвы.

Когда князь Василий умер и началось боярское правление, Казань снова взбунтовалась, снова побили русских купцов, начались набеги татар на русские земли. Казанцы вступили в сговор с крымскими татарами, а крымский хан посадил на Казанское ханство своего родственника Сафа-Гирея, который правил ханством в пользу Крыма, за что казанские мурзы трижды изгоняли Сафа-Гирея из Казани, и Крымский хан снова возвращал его на ханство.

Крымский хан Сафа-Гирей писал царю Иоанну: «Ты был молод, а ныне уже в разуме: объяви, чего хочешь? Любви или крови? Если хочешь любви, то присылай не безделицы, а дары знатные, подобно Королю, дающего нам 15 000 золотых ежегодно. Когда же тебе угодно воевать, то я готов идти к Москве и земля твоя будет под ногами коней моих».

В самом начале своей власти, Иоанн затеял поход на Казань, но воеводы этот приказ Иоанна не выполнили, а лишь пограбили окрестности Казани малым набегом.

Потом, после своей коронации, царь Иоанн снова затеял поход на Казань, но и этот поход ему пришлось отложить из-за московского «великого пожара».

Осенью, после пожара, царь Иоанн затеял первый поход на Казань. Войско собралось в поход лишь зимой, двинулись на Казань, но при переправе через Волгу под лед ушла осадная артиллерия. Без артиллерии войско подошло к Казани, постояло там несколько дней, попытались взять город, но татары отбили атаку и войско царя Иоанна ушло, испытывая недостаток продовольствия.

Это был первый поход московского царя, когда он сам возглавил войско. До Иоанна его отец и дед никогда сами не шли на Казань, а лишь направляли воевод с войском.

Во время похода 17-летний царь стойко переносил все тяготы воинского похода, холод и нужду в продовольствии, но убедившись, что с ходу Казань не взять, велел отступить, чтобы сохранить людей.

Всю весну и лето царь готовился повторить поход на Казань, для чего собирал войско и обучал его воинскому делу, но сборы снова затянулись до осени.

Тут случилась смерть казанского хана Сафа-Гирея, и царь Иоанн, воспользовавшись ситуацией, двинул войска на Казань.

Зима была холодной, войска и царь терпели лишения, но благополучно добрались до Казани и осадили город в декабре месяце.

Царь отдал приказ на штурм города. Войска захватили город, сражались целый день, но взять крепость не смогли и принялись отступать, чтобы собраться с силами и повторить штурм крепости.

Но удача и на этот раз была на стороне татар: внезапно наступила оттепель, полили сильные дожди, порох отсырел и пушки не стреляли. Оставалась угроза, что Волга вскрыется и тогда русское войско, в котором до половины было татар, могло остаться отрезанным Волгой от своей земли. Царь снова, чтобы не губить людей, дал приказ отступить. При отходе войска царь присматривался к местности, желая основать в удобном месте крепость, чтобы в следующем походе собирать свое войско не вдали, а в этой крепости.

Место такое он присмотрел в устье реки Свияги на высокой горе и сказал: «Здесь будет город Христианский; стесним Казань; Бог вдаст ее нам в руки».

Крепость отстроили быстро, назвали Свияжском, царь оставил там гарнизон и возвратился в Москву, чтобы готовиться к новому походу на Казань.

Свияжск перекрыл татарам все торговые пути. Казанцы терпели убытки и обратились к царю, который выставил им жесткие условия: освободить всех пленных, признать царскую власть и посадить на ханство ставленника Москвы хана Шах-Али. Казанцы поторговались, но царь не уступал и татарам пришлось согласиться на все условия, которые они сразу же и нарушили, посадив хана Шах-Али в тюрьму и вступив в союз с крымским ханом.

Тогда царь Иоанн решил окончательно покорить Казань и присоединить ханство к Московскому царству: и то сказать: сколько раз его дед и отец воевали с Казанью, ставили там

своих ханов, заключали договора мирные, но татары всякий раз нарушали слово и вновь делали набеги на Русь – дело надо было кончать полным завоеванием ханства.

Весной 1552 года, казанцы снова напали на русские земли, и царь Иоанн начал собирать войско возле крепости Свияжск. На помощь казанцам выступил Крымский хан, но царь послал часть своего войска, которое перехватило крымцев, и заставило их отступить после нескольких стычек – путь на Казань был открыт.

Под Казанью собралось русское войско около 150 тысяч. Царь Иоанн обратился к казанцам, предлагая им выдать зачинщиков мятежа против хана Шах-Али и принять подданство Москвы. Казанцы отказались, надеясь отсидеться за крепостными стенами и отразить русских.

В августе месяце русские войска окружили Казань и начали готовиться к штурму, делая подкопы и обстреливая крепость из пушек, но казанцы не соглашались сдаться, что ни предлагал царь Иоанн, надеясь, что скоро осень наступит, пойдут дожди и русские войска уйдут восвояси, как и в прошлые разы.

Чтобы избежать жертв, царь снова предложил казанцам выдать виновников мятежа и подтвердить прежние соглашения о вассальной подчиненности казанского ханства Московскому государству, на что татары снова ответили отказом, упорно защищаясь в своей крепости, даже испытывая нужду в воде и продовольствии

Сразу после Покрова, отслужив молебен в церкви, царь Иоанн дал приказ на штурм.

Под крепостные стены были подведены подкопы, их начинили порохом и подорвали стены в двух местах. Стены рухнули и в проломы устремились русские войска, которые захватили стены и начали сражаться с татарами.

Русские были настроены решительно, но и татары не собирались сдаваться, и потому на улицах крепости завязалась жестокая битва, где не было пощады никому. Захватив крепость, часть войска русского принялась грабить дома, ослабив напор на татар, которые, собрав силы, чуть было не выбили русских из крепости.

Видя это, царь Иоанн со знаменем стал возле пролома в стене, собрал возле себя воинов и бросил их в крепость, чтобы сломить сопротивление татар. Сражение продолжалось до полного истребления врага. Победа была полной – Казанское ханство пало окончательно.

Царь Иоанн милостиво обошелся с татарами: простил хана Казанского, установил татарам платить те же налоги, что они платили хану, не касался их веры мусульманской.

Для воинов был устроен пир и все трофеи казанские царь раздал воинам, ничего не оставив себе и сказав, что «Моя корысть есть спокойствие и честь России».

Назначив наместником казанским князя Горбатого-Шуйского и дав ему письменное наставление по царствованию ханствами и воинов для укрепления власти, московский царь Иоанн отбыл в Москву, куда въехал в конце октября. В Москве его встретили митрополит и бояре и москвичи, перед которыми царь сказал речь:

«Собор Духовенства Православного! Отцы Митрополит и владыки! Я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за Царя и Царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю да буду щитом ее в нашествии варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, ужать текущую кровь россиян, снять цепи с Христовых пленников, вывести их из темницы, возвратить Отечеству и церкви.

Дед мой, отец и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан Крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить Христианство. Вспомнив слово Евангельское: бдите и жалитесь, да не впадете в напасть, вы, достойные святители церкви, молились, – и Бог услышал и помог нам – и хан, гонимый единственно гневом небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и милостию Божией, мужеством князя Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства, сей

град многолюдный пал пред нами; судом Господним в единый час изгибли неверные без вести, царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометства, на ее месте водружен Святый Крест, области Арская и Луговая платят дань России; воеводы московские управляют землею; а мы во здравии и веселии, пришли сюда, к образу Богоматери, к мощам Великих Угодников; к вечной Святыне, в свою любезную отчизну – и за сие небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему и всему освещенному Собору, мы с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умиление сердца кланяемся».

Митрополит в ответном слове сказал: «... Какая победа! Какая слава для тебя и для всех твоих светлых сподвижников! Что мы были? И что ныне? Вероломные казанцы ужасали Россию, жадно пили кровь христиан, увлекали их в неволю, оскверняли разоряли святые церкви... Сей царствующий град Казанский, где гнезился змий как в глубокой норе своей, уязвляя, подчас нас, – сей град, столь знаменитый и столь ужасный лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знамениями истинной Веры освятил скверну Магометову – навеки, навеки успокоил Россию! Ее дело Божие, не чрез тебя, совершенное!.. Веселися, о царь любезный Богу и Отечеству! Даровав победу, Всевышний даровал тебе и вожделенного, первородного сына! Живи и здравствуй с добродетельною царицею Анастасией, с юным царевичем Дмитрием, с своими братьями, боярами и со всем православным воинством в Богоспасаемом царствующем граде Москве и на всех своих царствах, в сей год и в предыдущие многие, многие лета. А мы тебе, Государю благочестивому, за твои труды и подвиги великие со всеми святителями, со всеми православными христианами кланяемся».

Через несколько дней царь Иоанн дал обед в Большой Грановитой палате и на улицах Москвы в честь победы над Казанским ханством, что сотни лет мучило народ русский своими набегами, разорял земли русские и угонял людей в рабство.

Так закончилась война с Казанским ханством, царь Иоанн совершил три похода, сам возглавляя войско, и за эти три похода в течение пяти лет завоевал Казанское ханство, которое не хотело жить в мире по-соседски.

В ознаменование взятия Казани, царь заложил храм Покрова на Красной площади возле Кремля, в которую и мы с тобой, Степан, ходим помолиться во спасение души для божьей благодати, что непременно прольется на нас, если мы не возгордимся и избежим соблазнов сатанинских.

Закончил подьячий Тимофей свой рассказ о Казанских походах царя Иоанна, добавив, что «Вероятно именно после взятия Казани царя Иоанна начали называть в народе Грозным – грозным для врагов России».

Тимофей надолго замолк, потом встряхнул головой и сказал Степану:

– Хватит на сегодня разговоров про дела царя нашего Иоанна, что-то я устал за длинной этой беседой, а тебе, Степан, вижу, не терпится спросить меня о непонятном. Давай, приходи завтра в это же время, и мы поговорим дальше про завоевание Русью Астраханского ханства, что последовало за взятием Казани.

Степан встал, поблагодарил Тимофея за рассказ и ушел под напутствие подьячего, пообещав зайти завтра, чтобы Тимофей закончил рассказ о борьбе с татарами волжскими.

Следующим днем, лишь освободившись от писарской службы, Степан поспешил к подьячему, хотя жена Мария и осудила его, сказав, что не дело ходить к подьячему подряд два дня, на что Степан сослался приглашением Тимофея. Мария успокоилась и занялась квашней, чтобы выпечь утром хлеба, а Степан пошел на беседу.

Тимофей, видимо, ждал Степана и не откладывая разговора, продолжил свой рассказ о доблестных делах царя Иоанна на реке Волге.

– Завоевав Казань, царь Иоанн оставил там наместника и войско, но татары еще несколько лет наводили смуту, побуждаемые своими князьями и крымскими татарами, которые вдоль Волги от Астрахани поднимались к Казани и возбуждали народ. Чтобы пресечь

смуту, царь Иоанн поручил князю Пронскому посадить на Астраханское ханство Дербыша, Ногайского князя, изгнанного из Астрахани, но клявшегося в преданности русскому царю.

Войско князя Пронского на судах приплыло по Волге к Астрахани и заняли опустевший город без боя, поскольку хан бежал в Азов к татарам крымским.

Надо сказать, что Астраханское ханство было не столь воинственно, как Казань, но находилось на удобном для торговли месте, и потому славилось своими торговыми делами. На эти земли уже зарились крымские татары, ставленник которых Ямгурчей и правил в Астрахани. Еще сюда стремились и турки, и потому занятие ханства Астраханского имело очень важное значение для России, поскольку открывало торговые пути по Волге до Каспийского моря.

Татары крымские и турки были недовольны присоединением Астрахани к Руси, но наши послы утверждали, что Астрахань – это бывшая Тьмутаракань, что в древние времена принадлежала Руси, и еще князь Святослав пять веков назад бил здесь на Волге древних хазар, защищая Киевскую Русь от набегов кочевников.

Присоединив к России Казань и Астрахань, царь Иоанн навсегда избавил страну от татарских набегов с востока и осталась одна забота – защититься от крымских татар, которые в союзе с турками, не давали покоя на юге России, но на решительную борьбу с крымчанами у России еще не хватало сил, поскольку с Запада постоянно угрожали Польша, Швеция и Ливонский орден, захватившие за время боярской смуты много русских земель, отвоеванных дедом и отцом царя Иоанна.

На востоке, за Казанью и Астраханью открылись пути к уральским горам и даже в Сибирь, которая была неизвестна ни России, ни туркам и татарам крымским, но хан сибирский Едигер признал власть русского царя и обещался платить дань царю Иоанну, который в грамотах послов русских к иноземным государям, стал именоваться Властителем Сибири.

Так царь Иоанн присоединил к России два ханства на Волге: Казанское и Астраханское и этим избавил страну от татарских набегов, открыв торговые пути к Каспийскому морю и дальше в дальний Китай, а также в Сибирь, которая до сих пор остается неизвестной по своим просторам и по людскому населению.

Уже за одно это свершение, царь Иоанн достоин прославления россиян на вечные времена, но у него есть и много других славных дел и свершений по укреплению и защите государства Российского, о чем я непременно расскажу в наших следующих беседах, – закончил Тимофей свой рассказ о завоевании Казани и Астрахани и замолчал, вспоминая былое.

– Тимофей Гаврилович, позвольте спросить, почему столь подробно вы говорили про Казанские походы и столь мало сказали про Астрахань? – спросил Степан подьячего Тимофея.

– Я в третьем походе царя Иоанна был писарем Посольского приказа и, хотя не участвовал в битвах, но видел сражения издали из обоза и потому «лучше раз увидеть, чем семь раз услышать», – ответил Тимофей и продолжил воспоминания:

– Под Казанью царь собрал войско в 150 тысяч людей, вместе с обозом, из которого я и смотрел на битву за город. Когда войско двинулось на штурм, царь Иоанн был с войском, проявил храбрость и немало способствовал захвату Казани, в которой было 30 тысяч воинов и еще столько же воинственных жителей. На следующий день после штурма, мы, обозники, тоже вошли в город в надежде пожить чем-нибудь в брошенных домах и на улицах, где еще валялись тела убитых татар, дома многие были сожжены, а жители прятались в погребах.

Царь Иоанн запретил грабить жителей уже на следующий день, и мне не удалось подарить подарок своей жене, но по телам погибших и разрушениям я мог судить о ярости сражения за город, где татары не желали сдаваться, а русские не хотели отступить.

Вот почему про Казань я знаю, что видел, а про Астрахань знаю, что слышал: как царь выслал три тысячи стрельцов и две тысячи казаков, которые разбили войско астраханское и гнали татар в разные стороны – в Сибирь и к Азову.

– Еще мне интересно: почему князя Иван Третий и Василий III уже брали Казань, но сохранили ханство, и царю Иоанну пришлось снова брать этот город? – продолжил Степан свои расспросы.

– Потому, Степан, они оставили ханство, что русские никогда не завоевывали силою чужие земли, а лишь умирляли врагов, что нападали на нашу Русь. Если бы татары казанские присмирели, то может быть они до сих пор были бы ханством, но они подло обманули наших князей и потому царь Иоанн решил присоединить ханство казанское и астраханское, чтобы навсегда прекратить татарские набеги на русские земли.

Татары на Волге поселились при монгольском нашествии, а раньше в тех местах жили болгары и было Булгарское царство, которое монголы уничтожили, – продолжал Тимофей свои воспоминания, – и татары эти жили бы себе спокойненько, по-соседски с Русью, но им хотелось грабить русские земли, угонять русичей в плен и пользоваться их трудом в неволе. После взятия Казани, царь Иоанн освободил из плена многие тысячи русских, которые вернулись по домам.

– А что ты, Тимофей, делал в обозе? – продолжил Степан свои расспросы, переходя в обращении к подьячему на простой разговор, как с равным.

– Я был писарем, потому переписывал всякие грамоты, что царь вручал татарским князьям, своим воеводам и боярским детям на право владения землями в Казанском ханстве после взятия Казани.

За татарами, что признали царскую власть, сохранились все их владения, а земли убитых и убежавших татар передавались в пользование русских воинов, которые должны были остаться в этих местах, чтобы татары снова не устроили смуту и не убили новых поселенцев. Потом, татары несколько лет поднимали смуту, но уже восстановить ханство им не удалось. Позднее, при набегах крымского хана, он посылал гонцов в казанские земли, чтобы вместе грабить русские земли, но казанские татары уже не смогли оказывать крымскому хану большой помощи.

Так царь Иоанн завоевал два татарских ханства и проявил себя, а Русь обрела покой, – закончил Тимофей и встал с лавки, давая понять, что разговор окончен и гостю пора уходить.

Степан поблагодарил Тимофея за доброе отношение к его расспросам и пошел к своему дому, размышляя об услышанном.

Ливонская война

К вечеру пятницы, когда Степан заканчивал переписывать новый свиток обращения царя Иоанна к крымскому хану, к нему подошел подьячий Тимофей и сказал следующее:

– Степан, что если нам по-соседски, воскресным утром, пойти на Москва-реку и посидеть с удами? Ловля рыбы удами увлекает не добычею, а самой сутью: кто ловчее? Рыба или рыбак? Я частенько хожу на реку с удой, чтобы посидеть на бережку, отдохнуть душой от суеты мирской, успокоить нрав свой и поудить рыбку. Если удастся что-то наловить, то весь улов я отдаю нищим, что стоят на паперти у нашей церкви в Замоскворечье. Христов апостол Петр был рыбаком и не гнушался своего промысла, но почему-то удить рыбу у нас на Москве считается занятием не гожим зрелого мужа, но лишь подростка или старика.

Там, на бережку, можно и потолковать о сущем и былом, вдали от человеческих ушей любопытных, которые могут услышанное исказить и донести другим как оскорбление или злой умысел. Ты ведь, Степан, интересуешься делами царя нашего Иоанна? Там, за удой, я бы мог рассказать тебе многое, чему был свидетелем за долгие годы службы в Посольском приказе. Ну, что, писарь, составишь мне товарищество в ужении рыбы на Москва-реке или будешь воскресным днем маяться возле своей молодой жены Марии? Слов нет, твоя Мария достойная жена, но и от хорошей жены требуются отлучки, чтобы не набить оскомину.

Помнится, в ранние годы царствования Иоанна в ближней к царским покоям церкви Вознесения били в колокола, когда царь направлялся в покои к царице Анастасии, чтобы народ молился за зачатие царицы и ниспослание Господом наследников царского престола. Потом, когда у царя появились другие жены и наследники, бить в колокола перестали. Вот и тебе, Степан, я предлагаю не хвалиться женою Марией, а отлучиться воскресным днем на рыбалку, чтобы вечером жена встретила тебя, соскучившись, одарила вниманием и ласкою, которые, известно всем, слаще после разлуки.

Степан нашел предложение Тимофея Гавриловича разумным, в субботу посетил церковь, сделал домашние дела, что накопились за неделю и утром воскресного дня, позавтракав вместе с Марией, сказался ей, что пойдет вместе с подьячим Тимофеем на Москва-реку удить рыбу ради удовольствия подьячего. На что Мария охотно согласилась, сказавши, что и она не будет сидеть одна дома, а навестит товарку на соседней улице по своим женским делам.

– Что-то часто ты стала навещать к товарке, уж не заболела ли какой хворью женской? – встревожился Степан, но Мария, покраснев, стала отнекиваться, уверяя мужа, что идет к товарке лишь за пустым бабским разговором, чему Степан охотно поверил, иногда встречая баб у колодца, которые могли по часу и более трепать языком, обсуждая новости слободской жизни.

Обув яловые сапоги, вместо легких полусапожек, чтобы свободно ходить по топкому берегу, Степан пошел к дому Тимофея, который уже ждал соседа и, увидев гостя, вышел навстречу с двумя удилами и холщовой сумкой на боку.

– Пойдем, Степан, к реке, – поприветствовав писаря, сказал Тимофей. – Здесь неподалеку есть небольшая заводь с хорошим берегом и именно там я иногда ужу рыбу. Если повезет, там можно и судака поймать или сазана, а уж плотва, окуньки и щурята ловятся всегда, если погода ясная и без ветра. Сегодня день погожий, комары уже пропали и можно посидеть с удой на берегу в свое удовольствие.

Соседи зашагали к реке и минуты спустя уже были на берегу. Москва-река величаво несла свои воды мимо Кремля, что краснел кирпичом стен на другом берегу, и, заворачивая излучиной, стремилась вдаль к Новодевичьему монастырю, колокольня которого виднелась на самом краю неба.

Рыбаки развернули удила из суровых нитей с поплавками из гусяного пера и кованых железных мелких крючков на конце. Тимофей достал склянку с червями, что накопал поутру возле дома и рыбаки, насадив червяков на крючки, забросили удила и стали ждать поклевки, который не заставил их без внимания.

Поплавок Степановой удочки дернул, встал торчком и ушел под воду. Степан дернул за удилище и нить взметнулась из воды вверх, а на крючке, поблескивая, трепыхалась плотва, размером с ладонь.

Вслед за Степаном и Тимофеем подсек рыбешку, и дальше рыбаки без передыха таскали одну рыбешку за другой, пока холщовая сумка Тимофея не заполнилась наполовину.

– Хватит сорную рыбешку таскать, давай удить рыбу покрупнее, – сказал Тимофей и взяв сачок, что прихватил из дома, прошел сапогами на мелководье, где в воде резвились уклейки, подсек мальков сачком и вытряхнул их на траву. Рыбешки трепыхались, отсвечивали серебром под лучами солнца, и рыбаки, насадив по живцу на удила, забросили их в воду, надеясь, что живца заглотит судак или щука, а если повезет, то и осетр клюнет. Хотя осетров в Москва-реке стало много меньше в этих местах, но иногда, на рыбацкое счастье, удавалось поймать рыбку фунтов на десять и более, что Степан замечал, ранним утром поспешая в Кремль на службу.

Поплавки-перья замерли неподвижно на воде, и чтобы не сидеть в молчании, Степан и завел с подьячим серьезный разговор.

– Тимофей Гаврилович, – начал Степан, – давно хотел спросить вас, как у нас установился мир с Польшей, насчет Ливонии. Нынешней зимой мне довелось много раз переписы-

вать мирный договор царя Иоанна с Польшей и Литвой и в том договоре записано, что Россия уступает Польше много городов и земель на западе. Выходит, что Польша победила Россию и теперь принудила нас к поганому миру, что ставится царю Иоанну в упрек. Так ли это?

Тимофей сидел молча, уставившись на неподвижный поплавок, потом вздохнул и начал разговор:

– Понимаешь, Степан, Ливонская война длилась много лет, почти с начала царствования Иоанна и еще раньше, с его отца и деда, а, пожалуй, и с князя Александра Невского или до него. Скажу историю, как я ее знаю.

Племена русичей жили на побережье Балтики с незапамятных времен, когда и летоисчисления еще не проводилось: может за тысячу лет до нашего времени или раньше. Известно, что еще до Киевской Руси, здесь на Балтии жили племена русичей: древляне, кривичи, венеды, славяне и прочие племена, что много позднее стали все именоваться славянами.

Семь веков назад, славяне уже имели князя Гостомысла, который разрешил эстам и латам поселиться на свободных землях вдоль Балтии за Чудским озером, под их обещание жить в мире со славянами и повиноваться их князю.

Гостомысл не имел детей и потому, в старости, пригласил на княжество своих племянников: Рюрика, Синеуса и Трувора, которые объединили славянские племена и спустились вниз по Днепру, основав город Киев, а на севере осталась русская земля во главе с Новгородом. Этот Новгород на западе соседствовал с землей литов, которые говорили на схожем с русским языке, а дальше на запад жили поляки, тоже родственные по языку с русичами.

Так что Рюриковичи, что пошли от князя Рюрика, вовсе не варяги, а коренные русичи и царь наш Иоанн произошел по князю Рюрику от русичей.

Потом европейские племена и славянские приняли христианство, только европейцы: галлы, саксы и германцы приняли католичество от Рима, а русичи приняли православие от Византии, и первым крестился Киевский князь святой Владимир. Различие в вере вызвало вражду, и немецкие племена двинулись вдоль побережья Балтики обращать в католичество славян. Немцы дошли почти до Новгорода, но были разбиты на Чудском озере святым князем Александром Невским.

Поляки приняли католичество и тоже двинулись на русские земли, захватив Малороссию и Белоруссию и надеясь захватить всю Русь, чтобы обратить православных христиан в католиков-латинян. Так на западе образовались враждебные нам Польша, Литва и Ливония, в которой правил германский Ливонский орден немецких меченосцев. Это произошло два с лишним века назад. Еще в битве при Грюнвальде, наши русские смоленские полки бились вместе с поляками против тевтонского ордена, а уже через полвека поляки принялись захватывать русские земли: Смоленск, Киев, Полоцк и другие города.

Так латинская вера разделила славян. Русские княжества были раздроблены и не могли оказать сопротивление латинянам, да еще монгольские татары напали на Русь с востока и на два века покорили русичей своим игом.

Но Русь не сгинула под напором врагов с Востока и с Запада, а усилиями московских князей объединилась и дала отпор монголам на Куликовом поле, а потом и латининам стала давать достойный ответ. Дед и отец царя Иоанна отвоевали у Ливонии исконные русские земли и города Орешек, Юрьев, Иван город, обеспечив выход русских владений к Балтийскому морю. Эти успехи были закреплены мирными договорами с Польшей, Ливонией и Швецией матерью нашего царя – Еленой, которая правила мудро при малолетстве царя Иоанна.

Елена правила недолго – всего пять лет и была отравлена боярами Шуйскими, которые хотели сами править Московским княжеством, пока царь наш Иоанн находился в младенчестве, а может быть замыслили извести и самого Иоанна – кто теперь может сказать, что замыслили бояре, которые клялись в верности Иоанну, сыну князя Василия III, и потом подло нарушили свои клятвы?

Поплавок удила Тимофея вдруг встал торчком и резко ушел в глубину вод. Подъячий схватил удилище и напрягшись подсек невидимую рыбу. Удилище изогнулось и затем медленно потянуло нить за собой, на конце нити бултыхнулась большая щука, блеснув на солнце пятнистым боком.

Рыбина не сопротивлялась, и, подтянув ее к берегу, Тимофей подвел снизу сачок и, захватив щуку, выбросил на траву, где она забилась в попытке скатиться в реку.

– Раньше надо было биться, а теперь не уйдешь, – довольно улыбнулся Тимофей.

– Фунта на два потянет рыбина. Пожалуй, не стану отдавать ее нищим на паперти; принесу ключнице своей Дарье, чтобы зажарила к ужину, – молвил Тимофей, отыскал в траве живого малька, насадил на крючок, забросил нить в воду и, вымыв руки, испачканные щукой, когда снимал ее с крючка, уселся рядом со Степаном в намерении продолжить разговор о Ливонской войне.

– Так на чем я остановился? – начал свою речь Тимофей и, вспомнив свои последние слова, продолжил:

– После смерти правительницы Елены власть захватила Боярская Дума во главе с князем Шуйским, и бояре принялись набивать себе карманы из царской казны, ничуть не заботясь о защите государства Московского от врагов: латинянах на западе и басурман на востоке и Юге, чем враги Руси воспользовались, захватив земли русские вдоль Балтики, которые отвоевал дед нашего царя – Иоанн III.

Разгромив Казань и Астрахань, царь Иоанн обратил свой взор на Запад, где ливонцы, шведы и поляки с литовцами творили зло против русских купцов, не давая им выхода в Европу, разоряли церкви православные и обращали силой православных в латинскую веру.

Сначала царь Иоанн разобрался со шведами, которые напали на крепость Орешек, но взять ее не смогли. Собрав большое войско, в Новгороде, царь Иоанн выступил в поход, разорил шведские земли, осадил Выборг, и шведский король был принужден заключить мирный договор, по которому восстанавливалась старая граница между Русью и Швецией.

Оставалось примириться с Ливонией, тоже на старых условиях, но Ливония не захотела мира, надеясь на помощь Польши и Литвы.

Вступать в войну с Ливонией, имея на Юге сильного врага – крымского хана, который в союзе с Турцией постоянно нападал на южные окраины Руси, было опасно, но советники царя Иоанна – Адашев и Сильвестр уговорили его, что можно справиться и с крымским ханом, и с Ливонией.

Царь Иоанн собрал большое войско, которое под командованием его дяди – Михаила Глинского вступило в Ливонию и осадило крепость Нарву, которая была взята штурмом.

Ливонский орден вступил в переговоры, но платить дань и признать свою зависимость от Москвы, как требовал царь Иоанн, отказался и русские войска стали захватывать и закреплять за собой Ливонские земли, которые в давние времена были русскими землями. Так были взяты города Нейгауз и Дерпт, бывший Юрьев, с окрестными землями и имениями.

Война началась успешно для царя Иоанна, и он надеялся заключить скорый договор с Ливонией, где бы отвоеванные земли остались за Москвой, а Ливония признала бы свою зависимость от Москвы, платила дань и не мешала торговым отношениям Москвы с Европой.

Все эти события происходили двадцать пять лет тому назад. Казалось, что война в Ливонии закончилась победой русских войск и древние русские земли навек возвратятся к Руси, но здесь вмешался польский король Август, который прислал в Москву посольство для заключения договора с Россией против крымского хана, а на самом деле стал требовать возвращения Смоленска Польше и признания Ливонии вассалом Польши. Царь Иоанн отверг эти притязания, ответив король Августу: «Вижу, что король переменял свои мысли: да будет как ему угодно! Ливонцы суть древние должники России, а не ваши: я наказываю их за неверность, обманы, торговые вины и разорение церквей».

Король польский рассчитывал, что Крымский хан Девлет-Гирей нападет на Русь, отвлечет царя Иоанна от Ливонии, и заплатил за это щедро. Хан напал на Русь зимой, но русские войска, что оставались на юге, дали отпор набегу крымцев, воевода Воротынский напал на обозы крымцев, отбил у них много лошадей, и хан повернул назад.

Казалось, что Ливония вот-вот сдастся вся на милость победителя – царя нашего Иоанна, но советник царя, Алексей Адашев, что вел переговоры с королями Польши, Дании и Швеции о судьбе Ливонии, почему-то согласился на перемирие с немцами на полгода, о чем царь потом сожалел, называя переговорщиков Адашева, Сильвестра и Курбского, что они занимались «аще бы не ваши злобесные претыкания, з Божьей помощью уже бы вся Германия была бы за православными».

Но этому не суждено было исполниться: за полгода перемирия, Ливония подписала договор о переходе под протекцию Польскому королю, магистр ордена получил помощь деньгами и наемниками от Польши, Дании и Австрийского императора, и решил возобновить войну с Россией.

За месяц до окончания перемирия, магистр Кеттлер напал на русские войска в Ливонии, разбил войско воеводы Плещеева, осадил Дерпт, но взять его не смог и отступил.

Царь Иоанн был в это время на богомолье в Можайске, где застрял из-за осенней распутицы, войска выступить в Ливонию тоже не смогли по бездорожью, и лишь в мае 1560 года в Ливонию выступило войско в 60 тысяч воинов.

Царь Иоанн отстранил своих советников Адашева и Сильвестра, дал воеводе Мстиславскому наказ, воевать в Ливонии до полной победы, что они и исполнили успешно, занимая города и побивая немцев-крестоносцев.

Пока русские войска воевали в Ливонии, освобождая бывшие русские земли от псов-рыцарей, как их называли во времена святого князя Александра Невского, в Москве случилась страшная беда – умерла царица Анастасия и по всем признакам она была отравлена.

Царь составил суд Боярской Думы, который нашел отравительницу – некую Магдалину из Польши с сыновьями, и эта Магдалина была близка к Адашеву и Сильвестру. Но доказать их причастность к отравлению царицы не удалось, и царь отправил Сильвестра в монастырь, а Адашева в Дерпт, хотя они и были обвинены в злоупотреблениях властью, раздаче чинов своим близким, что вполне заслуживало наказания смертью.

Несмотря на печаль по жене Анастасии, царь Иоанн, освободившись от советников, начал активные действия в Ливонии, чтобы успеть завершить ее разгром до войны с Литвой, которая была близка стараниями нового польского короля Сигизмунда II, являющегося одновременно и великим князем Литовским.

Царь давал войскам приказы занимать Ливонские города, но воеводы не всегда их выполняли, ссылаясь на трудности. Так царь приказывал взять Ревель и дважды войско осаждало эту крепость, но отступало без видимых причин, и в итоге Ревель занял шведский король, с которым удалось заключить мир на семь лет, оставив Ревель за Швецией. Этим договором Швеция исключалась из будущей войны русских с Литвой. Таким же договором удалось заключить мир на 20 лет с Данией, оставив им Эзельское епископство, но взамен Дания признала право русского царя на всю остальную Ливонию.

Эти мирные договора были подготовлены и заключены дяком Посольского приказа Висковатым, а я был писцом, что переписывал эти грамоты, – вспомнил подьячий Тимофей и смолк на мгновение, окунувшись в прошлое.

– Да, чуть не забыл, – снова начал Тимофей свой рассказ, – царь наш Иоанн женился вновь через год после смерти жены – Анастасии. Царь должен быть женатым, по русскому обычаю, чтобы государство, на котором царь повенчался, тоже обрело хозяйку, ибо холостой мужчина в расцвете лет может потянуться к блуду, что является смертным грехом.

Второй женой царя Иоанна, стала Мария Темрюковна – дочь кабардинского князя Темрюка, который после присоединения Астрахани к Руси перешел в подданство царю. Этот брак упрочил положение Руси на Кавказе и даже сделал царя родственником крымскому хану Девлет-Гирею, любимой женой которого была двоюродная сестра Марии.

Патриарх Константинопольский признал право Иоанна на царский титул и тем самым на преемственность его власти от императоров Византии, что повышало уровень царя при обращении с европейскими властителями. Царь организовал церемонию благословения на царство, и затем было венчание с Марией Темрюковной.

Эти события отвлекли царя от Ливонии, а дела там складывались плохо. Воспользовавшись безделием русских воевод, которые не торопились занимать ливонские города, магистр Кеттлер подписал соглашение с Литвой, по которому Ливония переходила под власть Сигизмунда, а сам Кеттлер становился властителем Курляндии – части Ливонии.

Сигизмунд назначил князя Радзивилла наместником Ливонии, который тотчас напал на русские войска в крепости Торваст. Наши храбро бились, пять недель, но не получили помощи от князей Серебряного, Курбского и Курлятова, которые затеяли склоку о том, кто из них старше по роду. Радзивилл захватил крепость, но царь Иоанн сменил воевод, назначил воеводой своего родственника Василия Глинского, который изгнал литовцев из крепости и разбил их арьергард. Так началась война с Литвой и Польшей, которые фактически представляли собой единое государство с общим монархом, носившем титул короля Польского и Великого князя Литовского.

Сигизмунд объявил войну России уже после нападения на Торваст и занял Ливонские города, что ему отдал магистр Кеттлер, а на изгнание русских из других городов у короля не было достаточно войск. Шляхта воевать не хотела, но и русские воеводы не проявляли активности, а князь Курбский с 15 тысячами воинов столкнулся с 4 тысячами литовцев, но стал избегать сражения и был разбит, что добавило духу полякам с литовцами, уверовавшими, будто русские совсем не умеют воевать.

Царь Иоанн хотел наказать виновного князя Курбского, но оказалось, что без одобрения Боярской Думой он сделать этого не может.

По Судебнику царя Иоанна и многим его указам, подписанными в годы юности, наказывать знатных бояр царь может лишь, если Дума утвердит это наказание. Но боярские роды переплелись родственными связями и в защиту провинившегося боярина тотчас находились поручители, которые избавляли виновного от реального наказания. Так и князь Курбский, который не выполнил приказ царя и не взял город Ревень, а потом потерпел поражение от литовцев, должен был приговорен к смерти, а отделался опалой, которая скоро была снята.

Князь Иван Бельский был уличен и в намерении бежать в Литву к врагам. Это была измена, за которую и по Судебнику полагалась смерть. Факт измены был подтвержден письмом к королю и «опасной грамотой» для перехода к врагу, но в защиту изменника выступил митрополит и бояре, царю оставалось лишь назначить большой залог в 10 000 рублей, который уплатили бояре, скинувшись для выручки своего соратника по Думе.

Осенью 1562 года был арестован Курлятев, из «избранной рады», который подозревался за неисполнение воинских приказов царя, неоказание помощи гарнизону Торваста и в отравлении дочерей царя Иоанна. Доказанные обвинения заслуживали смерти, но не надеясь на Боярскую Думу, царь Иоанн своей властью отправил всю семью Курлятевых в монастырь, где их постригли в монахи, а из монахов убежать трудно.

Чтобы добиться перелома в войне, царь решился сам возглавить войско, как делал это раньше при взятии Казани.

Под началом царя ни один воевода не осмелится нарушить приказ. Целью наступления был Полоцк – древняя русская земля, захваченная Литвой.

Собрав большое войско в 100-150 тысяч человек, вместе с обозными, царь выступил зимой 1563 года в поход. Предатель из бояр сумел предупредить короля о нападении царя на Полоцк, но Сигизмунд ничего не успел предпринять, ибо царь Иоанн двигал свое войско очень быстро, в отличие от своих воевод, и осадил город. Радзивилл собрал войско из 80-100 тысяч человек двинулся из Минска к Полоцку, но был перехвачен русской конницей, которая заставила его отступить, понеся большой урон.

Сам Полоцк был взят за две недели. Литву охватила паника, король запросил перемирия, на что царь Иоанн охотно дал согласие и срок – шесть месяцев, но город, взятый штурмом, он оставил за собой, включив в свой титул звание великого князя Полоцкого. Католические храмы в Полоцке по указу царя разорили, в ответ на разбой православных храмов, а иудеев, которых было в Полоцке много, приказал крестить в православие – несогласных выселить из этих земель, ставших русскими, поскольку по указу царя от 1549 года проживать иудеям и торговать в российском государстве запрещалось.

Остальным жителям Полоцка царь приказал не чинить никаких препятствий, запретил грабежи, поскольку все жители объявлялись подданными царя и с ними следует обращаться по закону.

Царь Иоанн с победой возвратился в Москву. Народ с ликованием встречал царя, звенели колокола, в церквях священники творили молитвы за царя-защитника Отечества, как это было и после Казанского похода. Царь раздал награды воеводам и ратникам, отличившимся в походе, не присваивая себе заслуги в этой победе.

Но бояре вновь стали плести заговоры, опасаясь усиления власти царской после победы, добытой стараниями и умением самого царя Иоанна, тогда как воеводы царские воевали неумело, и неторопливо. Царь показал и врагам, и своим боярам, что быстрый и решительный поход войска всегда приносит победу, тогда как промедление и нерешительность обычно приносит поражение.

После полоцкого похода раскрылись новые заговоры бояр против царя, и основным был заговор его двоюродного брата Владимира Старицкого с матерью Ефросиньей. Царь Иоанн брата простил, а Ефросинью отправили в монастырь.

Пока царь разбирался с заговорами, литовцы использовали перемирие для укрепления своих войск, и, протянув время, прислали послов для переговоров о мире. Царь Иоанн предложил заключить мир на 10 лет, оставляя за собой Полоцк и часть Ливонии, но литовцы отказались от этих условий.

Тогда царь послал воевод Серебряных и Шуйского в новый поход против ливонцев, чтобы захватить Минск и Новгородок-Литовский. Воеводы без царя снова действовали нерешительно и в январе 1564 года Петр Шуйский был разбит армией Радзивилла, литовцы захватили весь обоз, а сам Шуйский был убит. Князья Серебряные, узнав о разгроме Шуйского, идти вперед не решились и отступили к Смоленску.

Царь организовал расследование причин поражения русских войск и выявилась измена: кто-то предупредил Радзивилла о движении русских, и он нанес удар прямо по ставке воеводы Шуйского, которого убили, а остальное войско в 22 тысяч ратников просто разбежалось, оставшись без воевод, хотя у Радзивилла было много меньше сил, и он не осмелился даже преследовать отступающих русских, которые возвратились в Полоцк.

В апреле того же года бежал к литовцам боярин Андрей Курбский, и тогда-то раскрылось, что он изменил еще два года назад, вступив в сношения тайные с королем Сигизмундом и именно он обеспечил разгром Шуйского, сообщив Радзивиллу о путях движения русских войск.

Когда царь занялся расследованием разгрома Шуйского, нити заговора потянулись к Курбскому, вспомнились его связи с отравителями царицы Анастасии и князь бежал в Литву,

чтобы избежать расплаты за предательство и участие в заговорах против царя и в отравлении царицы Анастасии, чего царь Иоанн не мог простить никому.

Предатель Курбский бежал к литовцам, спасаясь от разоблачения, но возле царя остались сообщники предателя, которые затаились и как их выявить?

Курбский получил от Радзивилла имение, деньги и стал сочинять письма, которые рассылал по Европе, обвиняя царя Иоанна в жестокости и неоправданных казнях, создавая у европейцев образ царя-деспота и варвара.

Тем временем король Сигизмунд вступил в стовор с Крымским ханом Девлет-Гиреем, убеждая его нанести удар с юга по России, которая застряла в Ливонии и войск на юге почти не осталось.

Осенью Радзивилл и Курбский двинулись с 70-тысячным войском на Полоцк, чтобы отбить его у русских, но царь угадал нападение литовцев. Город Полоцк отбили от войск Радзивилла. На помощь царь послал князя Серебряного с войском и Радзивилл отступил от Полоцка, не добившись успеха.

На юге Крымский хан одновременно с литовцами выступил в набеге 60 тысяч татар на Рязань, но был отбит горожанами и удалился восояси в Крым. Гетман Сапега был разбит русскими под Черниговом. В Ливонии литовцы разбили Ивана Шуйского, но потом потерпели поражение под Красным.

Сигизмунд послал Курбского с войском захватить Великие Луки, но предателю не удалось взять город, и он пограбил и выжег все окрестности, отличившись крайней жестокостью к жителям, которых даже не брали в плен, а глумились и убивали всех.

Так бесславно закончилось нападение литовцев на русские земли, и в войне наступила передышка.

Царь Иоанн не забыл о предательстве Курбского, и чтобы выявить его сообщников в своем окружении, организовал опричнину, о которой я расскажу позже, – пояснил подьячий Тимофей, умолкая, поскольку поплавок уды снова встал торчком и ушел под воду. Подсекая рыбину, Тимофей дернул за удилище и на конце уды блеснула рыбина не меньше былой щуки. Подтянув уду к берегу, Тимофей накрыл рыбину сачком и выбросил ее на траву. Это оказался судак.

– Везет мне сегодня на улов, – обрадовался Тимофей. Видно, под разговор о войне Ливонской рыбины хватают за крючок, думая, что я не замечу поклевки, однако подьячий не только говорить может, но и рыбачит вполне ловко, – похвалил Тимофей сам себя и вновь насадив живца на крючок, забросил уду в воду, и продолжил свой рассказ про войну.

Итак, через опричнину царь Иоанн начал борьбу с боярской изменой, отдалив от себя старые боярские роды и приблизив молодых опричников, надеясь на их верность.

В Ливонской войне наступила передышка, русские войска надеялись на заключение мирного договора с Литвой и потому не вели боевых действий, а литовцы не имели сил на победу над русскими. Царь предлагал литовцам установить границу по Двине и все что севернее, отойдет к России, а все, что южнее, будет литовским, но Радзивилл от этих условий отказался, надеясь на полную победу, которую ему обещал предатель Курбский с помощью своих соратников-предателей среди бояр российских.

Царь, желая поручиться людской поддержкой, собрал земский Собор, которым одобрил продолжение войны, пока паны не попросят пощады.

Царь стал готовить новый поход на Литву, но тут началась чума, которая убивала людей в Москве сотнями в день, и поход пришлось отложить, пока чума не пройдет, ибо войско чума может уничтожить хуже неприятеля.

Через год Иоанн собрал войско, намереваясь двинуться из Великих Лук вдоль Двины, захватить крепости и подтолкнуть Литву к мирному договору на царских условиях. Король Сигизмунд тоже собрал войско в Борисове, но не нападал, чего-то ожидая. От перебежчиков

царь Иоанн узнал, что в Москве готовится переворот во главе с боярином Федоровым – Челяднинным. Царь оставил войско и поспешил в Москву, а Сигизмунд распустил свое войско, не надеясь на победу.

Царь занялся раскрытием заговора против себя, и новый поход на Литву сорвался из-за измены бояр, и в войне наступила передышка.

Используя временное затишье в войне с Россией, польская шляхта подтолкнула польского короля Сигизмунда II к полному объединению с Литвой, наследным Великим князем, которой он являлся.

Дело в том, что польского короля избирал польский сейм, а князь Литвы был наследником рода Гедиминовичей. В 1569 году состоялось объединение Польши и Литвы в одно государство – Речь Посполитую, и теперь против России выступало одно государство, раскинувшееся от Балтики до Черного моря. При объединении, Украина была передана от Литвы к Польше, которая стала насаждать в Украине вражду к России.

Летом того же года, крымчане с помощью турок совершили поход на Астрахань, пытались захватить город, но были отбиты и ушли без добычи. Враги нападали на Русь со всех сторон, и царю Иоанну приходилось отбиваться от них, заодно раскрывая боярские заговоры и уничтожая внутренних врагов и предателей.

До царя дошли сведения о заговоре против него со стороны Пскова и Новгорода, а возглавил этот заговор двоюродный брат Иоанна – князь Владимир Старицкий. Царя Иоанна хотели отравить вместе с женой Марией Темрюковной, но царя отравить не удалось, и отравили только царицу Марию.

Отравление царицы было явным, царь провел дознание, вызвал князя Владимира, который был в это время на Волге с войском, чтобы не было подозрений в его участии в заговоре, к себе и заставил отведать той же еды, которой была отравлена царица Мария, отчего князь Владимир умер. Следы заговора вели в Новгород и зимой 1570 года царь Иоанн с войском опричников нагрянул в Новгород, арестовал заговорщиков, среди которых были и еретики, проповедовавшие ересь жидовствующих. Всего было казнено более 200 человек, но это значительно меньше, чем казнил отец царя – Василий III, когда присоединял Новгород к Москве и боролся с этой самой ересью.

В Новгороде и Пскове выяснилось, что заговорщики в Москве опирались на ближних к царю бояр, дьяков Приказов и даже на опричников – всего около 300 человек, которые были осуждены на казнь, выведены на место казни на окраине Москвы и царь обратился к народу словами: «Народ! Увидишь муки и гибель, но караю изменников, ответствуй, прав ли мой суд?» Москвичи, собравшиеся на место казни, поддержали царя. Но Иоанн не стал казнить всех осужденных, ограничился только зачинщиками среди дворян, а бояр и вовсе разослал по монастырям.

С Речью Посполитой было заключено перемирие на три года. Царь послал войско с Магнусом, которого назначил королем Ливонии, чтобы захватить Ревель и укрепиться в Ливонии. Воеводы Яковлев и Лыков приказ о взятии Ревеля не выполнили, но пограбили окрестности и лично обогатились, тогда как русское войско несло потери от непогоды и чумы, и осада Ревеля была снята без успеха.

Летом 1571 года хан Девлет-Гирей напал неожиданно, обошел русское войско стороной и осадил Москву, которую сжег дотла, но Кремль взять не сумел. Царь прибыл на пожарище из Ростова, где собирал войско, разобрался с виновными, которые пропустили хана к Москве и с теми, что погубили русское войско под Ревелем.

На следующий год крымский хан Девлет-Гирей снова напал на Русь с многочисленным войском, в котором были и турки, чтобы окончательно покорить Русь; он даже назначил своих сановников наместниками в русских землях.

В этот раз хану не повезло: он наткнулся на опытного воеводу Воротынского, который с войском вчетверо меньшим татарского, разбил хана наголову под Молодью и почти уничтожил все татарское войско, так что татары несколько лет не нападали на Русь – воины были уничтожены и Крым обезлюдел на взрослых воинов.

Оправившись после татарских набегов, царь Иоанн зимой 1573 года совершил поход в Ливонию, чтобы захватить ливонские крепости, попавшие шведам. Шведы проявили беспечность, и русские войска захватывали одну крепость за другой. Лишь в крепости Пойде шведы оказали сопротивление, но были взяты штурмом, во время которого погиб царский верный слуга Малюта Скуратов.

Пока царь воевал на Западе, на Востоке, в Казани, произошло восстание татар, которых притесняли царские наместники, в том числе и Никита Одоевский, посланный на усмирение татар, но занявшийся грабежом и насилием.

Войск на продолжение похода против шведов в Ливонии не хватало, ибо часть войск пришлось отправить в Казань. Сказались людские потери от набегов татар крымских, а еще больше от чумы, которая косила людей русских уже который год подряд.

С казанскими татарами царь Иоанн договорился, указав в грамоте «ни в чем никому не чинить и управу в суде чинить безволокитно», а Одоевского за грабежи казнил, чтобы другим воеводам было не повадно царских подданных насильничать и грабить.

В Польше было не до войны с Россией: умер король Сигизмунд II, и на сейме долго решали, кого же выбрать новым королем. Часть шляхты высказалась за избрание царя Иоанна, но царь поставил условием разделение Польши и Литвы и присоединение Литвы к России. Эти условия не устроили шляхту и после многих интриг, королем был избран Генрих Наварский, брат французского короля Карла Валуа.

Кстати сказать, Степан: если бы наш царь Иоанн был свирепым безумцем, каким его представляют в Европе, стала бы шляхта выдвигать его на престол Польского короля? Конечно нет, а это значит, что все мерзкие слухи о жестоком царе Иоанне распространяются недругами с целью ослабить Россию и опорочить царя.

Генрих был королем Польши недолгое время, и после смерти брата Карла, убежал во Францию, где стал королем Франции, а Польша вновь осталась без короля, и в начале 1576 года, после многих интриг и заговоров шляхта избрала новым королем Польши Семиградского воеводу Стефана Батория, который принялся умирять панов, недовольных его избранием королем, и потому прекратил вмешиваться в Ливонские дела. Царь Иоанн, воспользовавшись этим, послал войска взять Ревень, но это не удалось ввиду сильного укрепления города.

Тогда царь Иоанн, следующей весной, собрал войско в 40-50 тысяч воинов и прошелся этим войском вдоль Двины, захватывая города и селения, чтобы отделить эту часть Ливонии от Польши. За два месяца под власть царя перешли все правобережные города Ливонии, кроме Ревеля и Риги, которых осаждать царь не стал, надеясь, что жители сами выберут его царскую власть вместо польской.

Королю Баторию царь написал, что не трогал земель его, а лишь свои земли чистил и перемирия не нарушал. Такое же письмо было направлено и гетману Литовскому Хадкевичу, предлагая заключить мир.

Казалось, что ливонская война благополучно завершена, бывшие русские земли возвратились под царскую власть, и Россия получила выход на Балтику для торговли с Европой в обход Польши и Швеции, но Стефан Баторий, не желал мириться с усилением Руси, и поклялся шляхте отвоевать у России все Ливонские земли до Калуги и Новгорода.

Для войны Баторию нужны были деньги, которыми его ссудили польские евреи. Он заручился поддержкой императора Рудольфа, заключил союз с королем Швеции Юханом, получил благословение папы Римского и образовал союз почти всей Европы против царя Иоанна, представляя его при помощи предателя Курбского диким и злобным зверем, вроде медведя.

Стефан Баторий собирал войско где только мог, но царю Иоанну послал послов, которые твердили о желании короля заключить мир и потому вели долгие и бесплодные переговоры, усыпляя бдительность царя и послов.

В самой России, после царских побед в Ливонии не осталось большого войска, чтобы разом ответить на вторжение врага из Крыма и Польши. После татарских набегов, пожаров и чумы, и поражений воевод царских, опытное войско поредело, а вновь набранные войска были без должной подготовки.

К тому же на завоеванных землях надо было держать гарнизоны в городах и крепостях, которых насчитывалось под сотню и потому 30-50 тысяч воинов сидели гарнизонами, а при нападении большого войска не могли дать должного отпора. Вдобавок к этому, крестьяне расселялись на новых землях в Поволжье, на Волге, да и в Ливонии и потому проводить набор новых ратников в самой России было не из кого.

В 1577 году начались волнения в Ливонии, где шведы нападали на мелкие крепости, убивали всех русских и грабили местных жителей, которые разуверились в защите их русским царем.

Поляки тоже начали небольшими силами нападать на ливонские города и крепости, пользуясь беспечностью русских гарнизонов. В одном месте они принесли русским бочки вина в знак дружбы, а когда воины перепились, ворвались в крепость Донибург и всех русских вырезали. Датчанин Магнус, которого царь Иоанн сделал королем части Ливонии, чтобы литовцы не нападали на это королевство, так вот, этот датчанин изменил и перебежал к полякам, где Баторий подарил ему город Пильтен, а владения Магнуса поделили между Польшей и Литвой.

Царь Иоанн послал князя Мстиславского в Ливонию, чтобы навести порядок в гарнизонах и дать отпор полякам, но Мстиславский действовал медленно, успехов не добился и отступил, заслышав о приближении больших сил поляков, что было обманом, ибо Баторий был еще не готов к крупному наступлению.

Летом следующего, 1578 года царь послал в Ливонию князя Голицына, который осадил город Венден, но взять его штурмом не сумел, а потом к городу подошли литовские и шведские войска, которые прижали войско Голицына к крепости. Воины отбивались весь день, но ночью часть войска ушла, а утром поляки навалились на остатки русского войска, разбили его и захватили несколько тысяч в плен, где многих казнили жестокими способами.

Голицын был бит кнутом за побег с поля боя, но часть Ливонии была потеряна.

Следующим годом, 1579, царь стал сам собирать войско в Пскове и Новгороде, рассчитывая дать бой Баторию, который пустил слухи о своем наступлении в Ливонии, а сам нацелился на Полоцк, где войска было мало.

Баторий прислал царю Иоанну грамоту, что идет войной и тут же пошел в поход, издав манифест, что идет войной не против русских, а лишь против царя Иоанна, обещая всем русским христианские права и свободы.

Подступив к Полоцку, Баторий надеялся, что город откроет ворота и впустит поляков, как освободителей, но жители вместе с воинами на манифест не поддались и несколько дней отчаянно отбивались. Тогда поляки подожгли город со всех сторон и защитники сдались под обещание короля Батория отпустить их на родину. Это обещание Баторий тотчас нарушил, взяв всех воинов в плен.

Затем поляки напали на крепость Сокол, подожгли город, где в пламени погибло много людей, а оставшихся в живых пытали и убивали. Далее Баторий напал на смоленские земли, где сжег и разорил множество селений.

Но в Ливонии царские войска одержали ряд побед, разорили Курляндию, отбили шведов от Нарвы и восстановили власть царя во многих городах Ливонии.

Поход Батория 1579 года на Русь был лишь началом крестового похода Европы, поскольку к Баторию примкнули и шведы, и венгры, и австрийцы и многие другие королевства,

желающие поживиться русскими богатствами, о которых в Европе было хорошо известно от купцов и служилых людей, что посещали Русь и дивились ее изобилию.

Зимой 1580 года Баторий выступил перед сеймом, похвастался победами над русским войском и сейм одобрил проведение войны, для чего даже ввели новые налоги, чтобы содержать армию.

Царь Иоанн тоже искал средства на продолжение войны и обратился к церкви за помощью, и часть церковных денег и налоги с них были переданы царю.

Баторий собрал большое войско, вступить в сражение, с которым, у царя не было достаточно сил, и он принял решение обороняться и тем измотать неприятеля. Но для обороны нужны бдительность и отвага, чтобы не подвергнуться внезапному нападению, ибо поляки, нападая, сами выбирали место нападения.

Баторий договорился с крымцами, и они ударили с юга, пожгли Рязанщину, захватив много пленных. На севере ударили шведы, которые захватили Карелию. Двадцать тысяч поляков он направил в Смоленск, где царь ожидал главного удара, но Баторий обманул царя, что готов на переговоры, и внезапно ударил на Великие Луки. По пути он захватил несколько крепостей, часть которых сдалась полякам по предательству воевод, которым Баторий дал жалованные грамоты о сохранении жизни и имущества, но Великие Луки не сдались и были взяты штурмом после взрыва пороховых запасов, так что никого не осталось в живых: ни воинов, ни горожан, а город был уничтожен полностью.

Царь Иоанн не успел помочь Великим Лукам, но в других местах война шла с переменным успехом. Пока Баторий развивал наступление в районе Великих Лук, под Смоленском русские разгромили поляков. В Ливонии Магнуса отогнали от Дерпта, правда, шведы захватили пару крепостей в окрестностях Ревеля.

Наступила зима, и положение русских войск сильно ухудшилось. Потери бойцов было нечем восполнять – Русь еще не восстановилась в численности после набегов татар, пожаров московских и чумы, тогда как Баторий имел деньги и мог нанимать воинов по всей Европе.

Кроме того, измученные войной люди, стали уклоняться от призыва на службу, чего раньше не проявлялось. Царь Иоанн, желая посоветоваться с народом, созвал земский собор, который зимой 1580 года провозгласил «войну продолжать нет больше сил, вся земля просила великого князя, чтобы заключил мир».

Царь посылал послов к Баторию на заключение мира, но король лишь тянул время, выдвигая неприемлемые условия мира. Царь предлагал оставить за Россией только Восточную Ливонию с Дерптом, потом только Нарву с окрестностями, чтобы иметь выход к морю, но Баторий требовал отдать Псков, Смоленск, Новгород, а потом и вовсе стал говорить панам на сейме, что «судьба преподает вам, кажется, все государство Московское!.. Дотоле нет для нас мира!»

Сдаваться врагу царь не собирался и ввел чрезвычайный налог, чтобы собрать и вооружить войско.

Врагу показать свою уверенность царь Иоанн решил через очередную четвертую свою женитьбу. В этот раз он женился на Марии Нагой, племяннице своего советника, Афанасия Нагого. Этим браком царь показал свою уверенность в будущем исходе войны.

Баторию царь написал большое послание, где обвинил короля в правилах ведения войны и что ради мира он готов отдать Ливонию, «но будешь ли доволен ею?», поскольку обещаешь, потом на сейме, захватить все земли русские и потому следует ли вести переговоры о мире, если король не собирается этот мир соблюдать.

Одновременно царь Иоанн искал союзников в своей борьбе с Польшей и даже послал в Ватикан человека с предложением провести переговоры об объединении церквей, которым мол, мешает лишь война с Баторием.

Римский папа поддался на уловку царя и послал в Москву иезуита Поссевино для переговоров. Баторий был недоволен этим вмешательством папы в войну, но вынужден был сделать вид, что учтет пожелания папы Григория XIII.

Царь принял папских послов, выслушал их условия, но сказал, что прежде чем обсуждать эти условия, надо прекратить войну. На этом слове он и отослал послов назад в Рим, ибо война начала разгораться пуще прежнего.

Баторий собрал большое войско, примерно в 100 тысяч воинов: поляков и наемников опытных и хорошо вооруженных и двинул это войско на Псков, намереваясь захватить город, потом пойти на Новгород и тем самым вернуть Русь в пределы Московского княжества, которым оно было два века назад.

У царя в армии, которую он собирал под Новгородом, было не более 40 тысяч человек новобранцев и плохо вооруженных, поэтому об открытом сражении нельзя было и думать.

Для усиления войска царь Иоанн стянул часть гарнизонов из Ливонии, чем тут же воспользовались шведы, которые напали на Нарву, ворвались в крепость с помощью своих шпионов и вырезали в городе всех русских – около семи тысяч человек: такого не делали даже татары.

Баторий подошел к Пскову и осадил город, предлагая сдаться и обещая всякие милости, но в Пскове не нашлось предателей и все как один встали на защиту города, ответив Баторию: «мы не жида, не предали ни Христа, ни царя, ни Отечества».

Тогда поляки пошли на штурм, им удалось ворваться в город через пролом в стене, но там врагов встретили воины, отбили атаку, выкинули поляков из города и, преследуя их, захватили лагерь, взяв много трофеев и пленных, а главное, что захватили много пушек и королю Баторию стало нечем обстреливать город.

После неудачного штурма, Баторий приступил к осаде города, рассылая по окрестностям свои отряды для сбора провианта и фуража. Эти отряды встречали царские войска и крепко их били, срывая поставки продовольствия польскому войску Батория.

Король Баторий несмотря ни на что решил взять Псков и в конце сентября послал войска на второй штурм, который псковичи успешно отбили. Через неделю ударили морозы, поляки решили по льду реки Великой ворваться в крепость, но были расстреляны из орудий.

Царь Иоанн руководил своими войсками, готовясь при удобном случае дать сражение полякам, войско которых сильно ослабло от трех штурмов и испытывало нехватку еды, фуража и пороха, а наступившие холода вызвали многие болезни среди наемников.

И как знать, чем бы закончилась эта война, если бы царь не получил известие о болезни сына Ивана Ивановича и не выехал из Старицы в Александровскую слободу, где царевич Иван слег от болезни после посещения богомолья.

Все признаки болезни указывали на отравление, царевичу давали снадобья, лечили, но ничего не помогало и 17 ноября царевич Иван умер.

Царь Иоанн тяжело переживал смерть старшего сына, которого готовил себе в преемники, это сказалось на решимости царя дать бой польскому войску, положение которого под Псковом становилось все хуже и хуже: в лагере начался голод, псковичи сами нападали на поляков, совершая вылазки из крепости. Наемники из Европы стали разбегаться и Баторию пришлось вступить в переговоры о мире, которые начались в декабре в деревне Запольский Ям.

Поляки требовали уступок, на которые царь пошел, отдав им всю Ливонию, которая теперь после захвата Нарвы шведами была не нужна.

В итоге было заключено перемирие сроком на десять лет с границей по той же линии, что и в начале войны, 20 лет назад, а шведы из условий перемирия были исключены.

Царю Иоанну не удалось закрепить на Балтике, и в этом Ливонская война считается неудачной. Но поляки, шведы и литовцы, которые напали на Русь 20 лет назад, тоже не достигли своей цели уничтожить Россию, и поэтому для них война тоже не дала результатов.

Да, Баторию удалось отбить назад завоевания царя Иоанна, но главной своей цели – победить Русь, он тоже не достиг. В сложных условиях нападения на Россию поляков во главе тысяч наемников со всей Европы, царю Иоанну удалось добиться почетного мира, сохранить Московское царство в прежних границах на Западе, и существенно расширить Россию за счет завоевания Казанского и Астраханского ханств.

Далеко продвинулись границы России на юг, ближе к Черному морю, которое в древности называлось Русским морем, на побережье которого в Крыму, в Херсонесе святой князь Владимир принял православие, и это православие царь Иоанн укрепил своим правлением, не позволив еретикам и латинянам навязать Руси новую веру, о чем мечтали и поляки, и шведы, и папа Римский, надеясь через свою веру завоевать Россию православную и превратить нашу страну в служанку Европы, как это удалось сделать с Литвой после ее объединения с Польшей.

Царь Иоанн отразил нашествие Европы на православную Русь, не позволив врагам захватить наши земли, и этим заслужил благодарность русского народа, который назвал нашего царя Грозным для всех врагов Руси. За всю Ливонскую войну царь Иоанн всегда побеждал в сражениях, где он возглавлял русское войско, но оставляя войско на попечение воевод, всегда лишался результатов своих побед. Потому неудачи в Ливонской войне следует отнести в вину воеводам, а победы в заслугу царю Иоанну.

Тимофей Гаврилович закончил свой рассказ про Ливонскую войну, и замолчал, уставясь на поплавок своей удочки, поплавок которой лежал неподвижно на воде уже больше часа: видимо, живец уклеики, насаженный на крючок, перестал биться и привлекать внимание крупных хищных рыб.

Однако, рыбалка уже не интересовала ни Степана, ни Тимофея. Подьячий увлекшись рассказом, старался изложить факты в том порядке, как их знал, а Степан жадно слушал Тимофея, впервые узнав много того, что было недоступно его пониманию о Ливонской войне, про которую слышал и хорошее, и плохое для царя Иоанна.

Лишь Тимофей закончил речи, как Степан задал ему первый вопрос для разъяснения услышанного:

– Скажите-ка, Тимофей Гаврилович, вот вы сказали про смерть царевича Ивана в самом конце войны от болезни, но в народе идет слух, что царевич был отравлен, а другие шепчутся, что Иоанн во гневе сам убил своего сына, ударив его царским посохом по голове. Так чему верить?

– Что царь убил своего сына Ивана – это выдумка врагов и иностранцев, которые хотели бы представить нашего царя жестоким зверем, какими они считают и всех русских. Когда царевич Иван заболел, царь был за сотни верст – в Старице, и выехал оттуда в Александровскую слободу, где лежал больной царевич, о чем предупредил думских бояр, сообщив, что «Иван ныне конечно болен».

А насчет отравления царевича слухи имеют место быть. Кому была выгодна смерть царевича? Конечно, полякам, которые терпели поражение под Псковом и ожидали нападения русского царя, о чем их предупреждали предатели. Отравив царевича, поляки отвели от себя удар войск царя Иоанна и заключили выгодный мир.

Король Баторий уже хотел погубить царского воеводу Шуйского, подослав ему, как бы в подарок от сослуживца, ящик, снаряженный порохом, который должен был взорваться при открывании. Отравить царевича могли предатели из царского окружения, которых оставалось еще очень много – как показала война. Кто предатель, а кто нет – поди разберись, если один князь Бельский перебежал к полякам, а другой князь Бельский служит при царе Иоанне.

Также и братья Курбские и других родов боярских: кто честно служит, а кто норовит переметнуться к врагу, особенно если враг этот как бы побеждает нашего царя. Неисповедимы пути господни – так и в душу каждому боярину не заглянешь и не увидишь там скрытого смысла, – ответил Тимофей.

– Еще мне непонятна женитьба царя Иоанна в разгар войны с поляками. У нас на Руси женятся, когда дело сделано, по осени, после жатвы хлебов. Как-то не по-людски получается у нашего царя со свадьбой, – снова задал Степан вопрос, на который Тимофей сказал следующее:

– Про царских жен мы как-нибудь поговорим отдельно, а насчет последней женитьбы царя отвечу, что народ упал духом от тягостей войны и неудач, и царь Иоанн своей свадьбой скромной показал народу, что ничего страшного не случилось, жизнь идет своим чередом и не грех подумать о детях, ради рождения которых и заключаются браки.

Царь Иоанн очень набожен, чтит обычаи церковные, и если бы считал грехом свою свадьбу, то никогда бы не стал жениться в разгар войны, – возразил Тимофей на слова Степана и, взглянув на заход солнца, которое своим краем уже коснулось глади Москва-реки на излучине, добавил:

– Пора собираться домой, иначе твоя жена Мария кинется искать муженька, который задержался на рыбалке с удочкой, что совсем не к лицу степенному писцу Посольского приказа. Да и моя ключница Дарья тоже ждет меня к ужину, а если я приду сейчас, то она вполне может успеть пожарить рыбу, которую я принесу. Я предлагаю тебе, Степан, взять судака, себе возьму щуку, а мелочь отдадим нищим да убогим на паперти, у церкви, как тебе, Степан, такой раздел улова?

– Мне с рыбой не возиться, а Мария ловко пожарит судака на летней печи во дворе – она у меня проворная и мастерица на все руки. Кстати, Тимофей Гаврилович, все хочу спросить вас, почему не подберете себе вдову молодую и не женитесь? Вы еще крепкий с виду мужчина, при хорошей службе у царя – вот бы по примеру царя Иоанна и женились.

– Нет, Степан, мое время ушло вместе с моей женой. Царь женился потому, что ему необходимы наследники, да и народу надо было показать, что он здоровый и крепкий муж, что подтвердил, поскольку царица Нагая находится в положении. Мне наследники не надобны, ибо все мое наследство – это дом, да и к женолюбию я не пристрастен в отличие от царя Иоанна, который как-то признался, что грешен в страсти плотской с женщиной. Возьму я, к примеру, молодую вдову, которых вдоволь здесь на Посаде, и помру от старости, а еще хуже, если впаду в старчество и кому будет от этого польза: жена снова будет вдовой или мыкаться при старике.

Нет, мое время утех с женой прошло и сгинуло без возврата, а потому хожу я в церковь, замаливаю свои грехи перед скорой кончиной и ставлю свечи за упокой души моей женушки с сыновьями, которые сгинули бесследно при татарском набеге и московском пожаре десять лет назад.

– Как знаете, Тимофей Гаврилович, только и я думал по-вашему, и десять лет ходил бобылем, пока не встретил мою Марию – тоже вдовую, как и я. И оказалось, что вдвоем-то гораздо лучше жить-поживать, чем поодиночке, а там поди еще и детишки заведутся – не зря ведь Мария моя ходит к знахарке, чтобы она приговором или травами какими помогла нам зачать дите.

– Знахарка не поможет, если ты, Степан, не постарайся с женушкой вместе, – улыбнулся Тимофей. – Как говорится, на бога надейся, да сам не плошай.

Вот сегодня после рыбалки нашей и займись богоугодным делом с Марией, может, Бог и пошлет вам ребеночка. Царству Московскому надо крепнуть и развиваться, а потому прибыток людей очень нужен, чтобы отражать набеги врагов, что лезут к нам со всех сторон, – посоветовал Тимофей Гаврилович писцу Степану и рыбаки, взяв удочки и торбу с уловом, двинулись от реки в слободу к своим домам.

По пути стояла церковь, где подьячий Тимофей высыпал из торбы рыбу прямо под ноги нищим, что толпились у входа ради милости.

Нищие и убогие мигом расхватили рыбешек по своим сумкам, низко кланяясь Тимофею, которого знали в лицо за милосердие и помощь, а рыбаки пошли дальше.

– Что-то много нынче убогих толпится возле церкви, – заметил Степан.

– Война же была кровавая, многих воинов покалечило, а родных убило и куда податься калеке как не в Москву на церковную паперть? – пояснил подьячий Тимофей. Царь наш Иоанн открыл дома призрения для калек и пансион положил, только не доходит эта помощь до всех: дьяки и служки царские вдали от Москвы мошенничают и воруют царскую милостыню и опять же людишки бегут сюда в Москву, где легче прокормиться под царской заботой.

Рыбаки подошли к своей улице, и Степан, поблагодарив Тимофея за удачную рыбалку, взяв судака за жабры, пошел к своему дому, издали увидев поджидающую жену Марию, которая вышла за калитку и вглядывалась вдоль улицы, высматривая мужа. Завидев Степана с рыбиной в руке, она кинулась ему навстречу, прижалась к плечу и, подхватив под руку, пошла рядом, показывая любопытным соседям, как она, мужняя жена, встречает своего суженого.

Опричина

Подьячий Посольского Приказа Тимофей Тимофеев и писарь того же приказа Степан Кобыла пили чай после бани в доме подьячего. Стоял морозный вечер декабрьского дня 7090 года, была суббота и мужики, вдоволь напарившись в бане, сидели в одном исподнем за столом, и пили китайский чай из пузатого медного котла, пыхтевшего вареной водой прямо на столе. Котел этот подьячий Тимофей купил несколько дней назад у проезжего китайского купца и не мог с тех пор нарадоваться своей покупке.

– Видишь, Степан, какая полезная диковина для подогрева воды придумана китайцами: котел на ножках со встроенной через него трубой, в которую помещаются малые щепки и поджигаются снизу. В котел наливается вода сверху, закрывается крышкой и нагревается от жара щепок, а дым отводится по трубе вверх или в печь. Когда вода закипит, то труба снимается и вместо нее ставится чайник с заваркой, который подогревается жаром трубы и потому вода и чай всегда горячие. Вот мы сидим с тобой весь вечер и попиваем этот чаек без всякого подогрева и без бабской заботы, которая лишь мешает мужскому разговору.

Степан одобрительно кивнул на слова Тимофея – своего начальника и соседа, хотя и слышал похвалу самогреющемуся котелку уже много раз.

Тимофей взял пустую кружку, налил в нее немного чая из маленького чайничка, поставил кружку под краник сбоку котелка, повернул его и, наполнив кружку доверху кипящей водой, закрыл краник. Потом залил вторую кружку и, придвинув кружки поближе, мужики продолжили простую беседу, что всегда затевалась ими после субботней баньки, если Степан приходил попариться.

Конечно, писарь частенько оставался дома и парился в своей баньке вместе с женой Марией, что было много приятней, но в дни женской немощи всегда ходил к соседу, чтобы не париться одному и не смущать жену ее недомоганием. В этот день у Марии не было немощи, но три дня назад она открылась мужу, что затяжелела и к лету у них должно появиться дите, чему Степан весьма обрадовался, но в баньку пошел к соседу, чтобы от греха подальше и не заняться богоугодным делом с женою прямо в баньке, как они делали прежде.

Мария, как всегда, не перечила мужу, хотя в душе и расстроилась, утешаясь, что возьмет свое в супружеской постели, а пока пусть мужчины поговорят между собой без женского пригляда.

Сосед Тимофей жил бобылем после Московского пожара от набега хана крымского Девлет-Гирея, случившегося двенадцать лет назад, когда много москвитян погорело в пожаре, а уцелевших, числом 60 тысяч татары угнали в полон в Крым. В том пожаре у ее Степана сгорели родители и первая жена с тремя детьми, а у соседа Тимофея пропали жена и двое сыновей-отроков, а что с ними случилось, было неведомо никому, кроме татар.

Мария, проводив Степана, помылась одна, но не в баньке, а прямо в избе перед печью, потеряв упругое тело влажной холстиной и облившись горячей водой из корчаги, но стоя в

широкой низкой кадушке, чтобы не замочить пол, представила, как ее будет ласкать сегодня Степан, возвратившись от соседа, покраснела, застыдившись своего плотского желания, вытерлась насухо, одела рубаху и принялась заводить квашню, чтобы завтра, в воскресный день, с утра напечь калачей, прежде чем идти вместе с мужем в церковь к обедне и помолиться вместе за здоровье будущего дитя, что подарил им Господь нечаянно-негаданно.

Тем временем, Степан с Тимофеем вели степенную беседу о чаепитии. Тимофей, расхваливая китайский котел для подогрева воды, пожаловался, что запомнил китайское название этого котла, а русского имени это изделие так и не обрело.

– Надо бы имя этому водогрею придумать, чтобы и людям понятно было и звучало на русский манер, – пожаловался Тимофей своему соседу Степану.

– А что тут думать? – удивился Степан. – Этот котел с дровами сам греет и варит воду до кипятка, – вот пусть и зовется самоваром.

– И то верно! – одобрил подьячий предложение писца. – Пусть впредь зовется самоваром для чаепития, – так и другим хозяевам, что имеют такой же котелок, накажу называть самоваром – глядишь и приживется новое словцо в русской речи.

Одобрив новое название водогрейного котла, мужчины продолжили обсуждение московских дел, важнейшими из которых было рождение у царя Иоанна Васильевича сына Дмитрия от жены Марии Нагой, с которой царь повенчался два года назад.

– Видишь, Тимофей Гаврилович, – по-соседски увещевал Степан своего подьячего, – у царя еще один сынок родился, а ведь ему уже за пятьдесят годков стукнуло. Мне давеча, Мария тоже призналась, что дитя ждет, хотя мне тоже сорок лет минуло в прошлом году. Почему бы и Вам, Тимофей Гаврилович, не оставить жизнь бобыля и не жениться на вдовушке, которых нынче много развелось в Москве и других местах, чему виной войны многолетние с татарами, поляками и литвинами, которые зарятся на наши земли и силятся истребить народ русский и погубить веру православную на Руси. Жениться на вдове – дело благородное, по себе знаю, потому-то Господь и послал мне с Марией дитя желанное.

– Нет, Степан, стар я для женолюбства стал, ведь я старше царя на шесть лет, да и что положено кесарю, то не положено холопу. Царю сынок нужен для укрепления рода царского, а подьячему крепить род не требуется. Бог приберет меня и нет Тимофеевых – будто и не было их вовсе на Руси. Но я-то знаю, что много еще людей Тимофеевого рода водится и в Москве и даже по всей Руси, а потому и не требуется от меня никакого продолжения рода. Вот царский род Рюриковичей требует продолжения, для сохранения Руси и порядка на земле русской, потому царь Иван Васильевич и обзаводится сыновьями, чтобы избежать смуты вокруг престола царского, если Господь призовет его к себе в неурочный час.

Вот ты, Тимофей Гаврилович, сказал сейчас о смуте вокруг царского престола, если случится смерть царя, а как объяснишь мне смуту, что царь Иоанн Васильевич устроил по собственной воле, учинив опричнину много лет назад?

Подьячий задумался от этих слов, налил себе чаю из самовара, взял ложкой меду из туеса на столе, пожевал сладость, запил чаем и отвечал на слова писаря так:

– Опричнину царь Иоанн Васильевич учинил по своему разумению, для укрепления своей царской власти, и чтобы дать укорот боярам-вотчинникам, которые мешали ему держать единство Руси и не дробить Русь по боярским и княжеским вотчинам, что случилось много лет назад и не позволило Руси одолеть монгол с татарами.

Возьми прутик из веника, что лежит у порога и попробуй его сломать – он легко переломится пополам, поскольку слаб. После попробуй переломить веник целиком и у тебя ничего не получится, поскольку прутки в связке даже силачу не под силу переломить.

Так и Русь наша – если она едина, то одолеет любого врага, что доказал нам Великий князь Дмитрий Донской на Куликовом поле, где он с ратью одолел несметное полчище Мамаю.

Скажу тебе, Степан, чего ты не знаешь: когда царь Иоанн повенчался на царство, случился большой пожар в Москве, потом смута людская и поклялся царь править Русью по соглашению с Боярской Думой и следовал этому много лет. Но многие бояре считали себя не ниже царя, и поэтому постоянно противились царской воле. Выявит царь предателя среди бояр и вознамерится наказать смертью, согласно судебнику, а Дума Боярская, которую стали именовать избранной, постановит наказать предателя лишь выкупом, а то и вовсе оставит безнаказанным.

Так случилось с князем Бельским, потом с Андреем Курбским и многими другими, и царь ничего не мог поделать, не нарушив своего слова, данного им при честном народе.

Тогда царь Иоанн в декабре 1564 года, по латинскому летоисчислению, всем двором уехал из Москвы и в январе прибыл в Александровскую слободу, откуда послал митрополиту Афанасию грамоту, в которой «описывал все мятежи, неурядицы, беззакония боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и Вельможи и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья Государевы; радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился, что они не перестали злодействовать: Воеводы не желают быть защитниками Христиан, удаляются от службы, дают хану, Литве, немцам терзать Россию; а если Государь, движимый правосудием, объявляет гнев недостойным боярам и чиновникам, то Митрополит и Духовенство вступаются за виновных, грубят, стушают ему».

«Вследствие чего, не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили Государство и поехали куда Бог укажет нам путь».

В другой грамоте, писанной купцам и мещанинам, московским царь Иоанн уверял их в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа.

«Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. «Государь нас оставил! – вопил народ: – мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплемennыми? Как могут быть овцы без пастыря?.. Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем мы все с своими головами едем за тобою (Митрополитом) бить челом Государю и плакаться!»

Делегация отправилась в Александровскую слободу, чтобы просить царя Иоанна остаться на царствии и править по своему желанию, не связываясь с Боярской Думой. Царь принял делегацию от людей и духовенства, согласился остаться на царствии, вернулся в Москву и объявил свою волю, предложив устав опричнины, сказав, что учреждает особенных телохранителей, для чего разделил земли русские на две части: опричнину и земскую.

1. Царь объявил своей собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Пихвин, Ярославль, Суходровье, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Руссу, Каргополь, Вагу, также волости Московские и другие с их доходами. 2. Выбирал 1 000 телохранителей из князей Двора и Детей Боярских, и давал им поместья в сих городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в другие места. 3. В самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Ситцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех Дворян и приказных людей, не записанных в царскую тысячу. 4. Назначил особенных сановников для услуг своих: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников. 5. Указал строить новый царский дворец за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею и подобно крепости оградить высокою стеною, не желая жить в Кремлевском дворце Иоанна Третьего. Сия часть России и Москвы, сия тысячная дружина Иоаннова, сей новый двор, как отдельная собственность царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы опричниною, а все остальное – то есть все Государство – земщиною, которую Иоанн поручал Боярам земским: князьям Бельскому, Мстиславскому и другим, велев старым государственным чиновникам – конюшему, дворецкому, казначеям, дьякам сидеть в их Приказах, решать все дела гражданские, а в важнейших

относиться к боярам, дозволялось в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладами к государю».

– Это я, Степан, зачитал царскую грамоту об учреждении опричнины, – сказал подьячий Тимофей. – А теперь позволь объяснить тебе, чего хотел и добился царь. Он хотел освободиться от Боярской Думы, не нарушая своего слова, данного по малолетству в давние годы, о том, чтобы править свои указы по согласию с Думой и Духовенством. По «Судебнику», приговор изменникам и прочим преступникам, приговоренных царем к казни, этот приговор должен был утверждаться Думой.

Царь приговаривал отравителей жены своей Настасьи, что доказано, к казни, а Дума не утверждала этого указа и преступники оставались безнаказанными. Следует указать, что по «Судебнику» лишь за семь видов преступлений полагалась смертная казнь: убийство, ограбление храма, поджег дома с людьми, предательство, содомия, похищение людей и изнасилование.

Теперь, при опричнине, царь мог самостоятельно решать участь преступников, подлежащих казни.

Кроме того, учредив опричников числом тысяча воинов, он впервые организовал регулярное войско, которое должно было защищать Русь и царя от врагов внешних и изменников внутренних. Для содержания этой тысячи воинов царь и выделил несколько городов и волостей.

Опричь означает еще и «кроме» – так в старину называлась доля имущества, выделенная вдове после смерти мужа. Так и царь Иван Васильевич выделил себе долю в царстве Московском на свою защиту.

Опричникам выделялись поместья, с которых они кормились и вооружались на воинскую службу, а бывшие хозяева этих земель выселялись в другие места, где им отводились новые угодья и давались деньги на обустройство. Таким переселением бояр с их вотчинных земель царь разрушал связи между боярскими родами, не позволяя устроить заговоры против страны и царской семьи.

Царь приказал казнить несколько человек, участвующих в заговоре против него, отравителей жены Настасьи и предателей, что не успели убежать от царского гнева к врагам в Крым, Польшу, Литву и Ливонию или куда подальше – враги у Московского царства со всех сторон, так что предатель мог бежать в любую сторону света.

Опричников отбирал сам царь, они давали особую клятву на верность, не должны были знаться и вести дела с «земскими». Они никому не подчинялись, кроме царя и своих начальников, были неподсудны и получали жалованье вдвое больше, чем обычные дети боярские. Дети боярские, надо сказать тебе Степан, это не дети знати, а бывшие их дружинники или мелкие дворяне, которым царь своим указом запретил службу воинскую, кроме царской.

Царь Иоанн, будучи глубоко набожным, отобрал себе для охраны 300 опричников, установив для них устав религиозного братства, и потому опричники жили по строгому распорядку, почти как в монастыре: молитвы и послушание.

Со временем число опричников возросло до 6 тысяч, была введена черная форма и знаки отличия: метла и изображение собачьей головы – быть верными, как псы и выметать нечисть из страны.

Центром опричнины и своим пребыванием царь устроил Александровскую слободу, а в Москве, где бывал наездами, устроился дворец за Неглинной.

Любой желающий сообщить об изменах или злодеяниях мог прийти в Слободу и объявить, что у него «слово и дело». Жалобщика приводили в канцелярию, проводили дознание, и, если донос подтверждался, то измена искоренялась вплоть до казни виновника без суда, по решению опричников, но окончательный приговор царь оставлял за собой, иногда, задним числом утверждая действия опричников.

Такими мерами царь укоротил боярскую оппозицию и укрепил свою власть, но сопротивление ему со стороны бояр, утративших свои привилегии, лишь ослабло, не исчезнув вовсе.

В опричниках, пользовавшихся доверием царя и являющихся его опорой, некоторые не выдержали испытания доверием царя и начали обогащаться любыми способами и за счет земских, не гнушаясь подлогами и провокациями. Немало появилось подлых людишек, которые доносили на богатых купцов и других земских сословий, по доносу проводился сыск, во время которого подбрасывалась какая-нибудь грамота или оружие, хозяин обвинялся в заговоре, и чтобы откупиться, платил мзду опричникам. Из-за немногих подлецов, людская молва ставила клеймо на всем войске опричном, которых стали за глаза называть «кромешниками» как бы исчадием темных сил подземных.

В руководстве опричнины тоже нашлись люди, настроенные против царя, но скрывающие свое настроение ревностною службой, потакая нарушителям порядка, и тем самым пороча всю опричнину. Да и как разобраться, кто искренне поддерживает царя в его заботах об устройстве сильного государства, если в каждом роду боярском были и сторонники царя, и его противники. Тех же Бельских князей было три брата, из которых два предавали царя при удобном случае, а третий служил царю верой и правдой.

Даже начальник опричного войска Алексей Басманов, тайно поддерживал врагов царя в боярских родах, что выявилось много позднее.

Организовался заговор против царя Ивана Васильевича, который был раскрыт перехватом грамот от польского короля Сигизмунда, но царь понял, что и опричнина не в силах уберечь его от происков бояр-предателей, заботившихся лишь о своем положении при дворе и тугой мошне.

Руководителя заговора боярина Федорова-Челяднина казнили в 1568 году, по латинскому календарю, в Москве на Болотной площади, но недовольство и подозрительность у царя остались и потому он перестал доверять в полной мере даже своим опричникам.

В сентябре 1569 года скончалась вторая жена царя – Мария Темрюковна и скончалась, как предполагал царь Иван Васильевич, по причине отравления, подобного отравлению первой жены – Анастасии. Получалось, что несмотря на введение опричнины и строгую охрану, враги царские проникли в его окружение, отравили жену, а следом хотят отравить самого царя и его детей, чтобы загубить царский род.

Скрытые враги, чтобы отвести подозрение от себя, влили в уши царя слова о заговоре, следы которого ведут в Новгород, где затеялась измена среди бояр и продолжалась ересь жидовствующих, которую до конца так и не искоренил Великий князь Василий Третий, отец Ивана Грозного.

Царь собрал опричное войско и двинулся в Новгород, желая покарать изменников и уничтожить еретиков. Поход затеялся в декабре месяце, а всякий поход большого войска всегда вызывает недовольство жителей, у которых изымается продовольствие, для людей и фураж для коней, независимо от того свое войско грабит людишек или чужое – разницы почти нет.

Опричное войско, двигаясь к Новгороду, пограбило Тверь, Торжок и другие города, а тайные наушники бояр-предателей распространяли слухи о небывалых грабежах и бесчинствах опричного войска, вызывая сомнения в народе.

Поход на Новгород длился от зимы до лета и потому опричное войско, медленно двигаясь, пограбило много сел и городков, добывая себе пропитание и фураж для лошадей. Народ запомнил эти грабежи и добавил к ним притчу о казненных невинно. Так и родилась байка про жестокость царя.

В Новгороде царь приказал сыскать изменников среди горожан, а заодно Алексея Басманова – предводителя опричного войска и дьяка Посольского приказа Ивана Висковатого и многих других, по наущению своих ближних советников. Изменников приговорили к смерти,

было казнено двести или более человек, но наушники распространяли слухи в народе, что Новгород почти уничтожили, погибли тысячи людей, что вызвало ужас и отвращение в народе.

Так молва людская хулила и хаяла затею царя об организации опричнины, приписывая опричникам все беды, в том числе и нашествие чумы, от которой погибло народу много больше, чем от истинных и мнимых жертвах царского гнева на отравление жены Марии.

Еще большее негодование царя вызывало опричное войско, ради которого он и затеял опричнину, полагая, что опричники, постоянно неся воинскую службу, будут умелыми воинами и поведут за собой земское воинство, одолевая врагов татарских из Крыма и латинских из Польши.

Но даже шесть тысяч опричников не смогли удержать крымского хана Девлет-Гирея во время его похода на Москву летом 1571 года, тем более что собралась лишь тысяча опричников на один полк, вместо четырех полков, тогда как земского войска собралось пять полков.

Хан тогда обманул русское войско, обошел его стороной и сжег Москву всю, кроме Кремля, а царь в это время был в Александровской слободе и без войска.

На этом опричнина и прекратилась, хотя царь ее официально и не отменял. Вместо опричников он стал подбирать себе в окружение верных бояр из захудалых родов, полагая, что их возвышение обеспечит личную преданность ему самому, а зависть родовитых бояр заставит ближних решительно защищать царя с семейством, ибо без царя в голове ближние бояре разом потеряют и положение, и уважение. Так оно и случилось, и на первые места в царском окружении выдвинулся боярин Борис Годунов со своим семейством.

Такие вот мои слова, Степан, об опричнине, что устроил царь Иван Васильевич много лет назад и о которой в людской молве ходит много напрасных и вредных слухов, распространяемых бывшими изменниками и их слугами, хотя бывших изменников не бывает – всякий изменник, остается таковым на всю жизнь и нет им ни срока, ни забвения, – закончил подьячий Тимофей свой рассказ.

– Но на торгах и в народе говорят, будто опричники извели много народа по ложным доносам, пострадало много невинных людей, людей казнили сотнями прямо на площадях без суда, лишь по навету опричника, стоило ему сказать «слово и дело», а царь всегда принимал сторону опричников в ущерб земским, – возразил Степан, прихлебывая горячий чай китайский из самогрейного котла, который только что они с подьячим называли именем «самовар».

– Много ты видел казненных в те годы на площадях Москвы? – спросил Тимофей и, не ожидая ответа, добавил, – вот и я тех убитых не видел в те годы, хотя и ездил по царским делам и в Польшу, и в Литву и даже к Крымскому хану Девлет-Гирею пришлось однажды добратся, но нигде не видел висельников и побитых людей. Однако слухом пользовался, что там, где нас нет, будто бы висельники висят на площадях, будто яблоки на яблоне августовским днем – так их много.

Царь, конечно, боярскую знать перетряхнул, отобрал их вотчины, но дал взамен другие в разных местах, чтобы им труднее было устраивать козни и смуты против царя, вот эти бояре и распространяли ложные слухи по всей стране, будто царь совсем обезумел, льет кровь людскую нещадно и чуть ли человечиною не кормится. Ты, Степан, встречал царя, верно, возле Посольского приказа и показался он тебе похожим на татя-зверского?

– Нет, царь и сейчас и в то время, лет пятнадцать назад, был таким как описывали его. «Он был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное».

Да ты сам, Тимофей Гаврилович, иногда встречаешь царя в Кремле, когда он выходит из дворца, чтобы помолиться в храме, как его зовут в народе, Василия Блаженного, – ведь этот собор Покрова царь заложил в честь победы над Казанью, а самого юродивого Василия царь

знал лично и даже участвовал в его похоронах. Так вот, царь наш Иоанн Васильевич кажется тебе злым и лютым или нет?

– Нет, конечно, никакой он не лютый, а набожный человек, хотя и выглядит несколько болезненным и ходит уже года два, опираясь на палку – видно ноги отказывать стали. И то сказать, сколько лет он у нас правит государством, сколько войн пережил, врагов извел, немудрено, что здоровьем ослаб. Хотя родился же в нынешнем году у него еще сынок Дмитрий от новой жены Марии Нагой – значит есть еще мужская сила в нашем царе, дай бог ему здоровья, – уклончиво возразил Тимофей на слова Степана, хотя и замечал в царе большие перемены, особенно в облике.

Слуги по углам шептались, что нездоровится царю Иоанну последний год: толь порчу враги наслали, или зельем отравным его потчуют лекари заморские – кто их там во дворцах царских разберет, где друг, а где враг. Но известно, что дыма без огня не бывает, и, если слуги шепчутся, значит дело и впрямь нечисто.

Подьячий Тимофей слухами пользовался, а сам их никогда не повторял, зная, что Кремль весь наполнен людьми любопытными и ловкими и за одно неосторожное слово можно попасть в наказание за наушничество на царя и его приближенных бояр, которых царь гонял по земле русской, но так и не избавился от них вовсе.

Но Степан продолжал пытаться подьячего насчет царя, зная, что в доме Тимофея их никто не подслушает, а ключница Дарья, что вела хозяйство подьячего, ушла на ночь в свою избу, бывшую на соседней улице.

– Говорят на Москве, что в опричнину царь Иоанн много невинных людей предал казни лютой по навету опричников и народ жил в страхе за жизнь и имущество? Правда ли это, Тимофей Гаврилович?

– Повторю тебе, Степан, что это наветы вражеские. Иногда слух подлый бывает острее сабли.

Но я тебе скажу другими словами. В году 1572 и потом, в 1574, поляки, выбирая себе короля, выдвигали на этот пост царя нашего Иоанна. Так вот, несмотря на Польскую взбалмошность, разве стала бы шляхта предлагать себе в короли нашего царя Иоанна, зная, что он жестокий и лютый к людям и может казнить за малый проступок, а то и вовсе без причины – просто по желанию. Никто такого злого человека себе в господа не захочет, и потому это вражеские слухи и тебе, Степан, негоже этими слухами пользоваться.

– Ладно, – согласился Степан, – о царе Иоанне больше беседы вести не будем, но об опричнине свое слово, Тимофей Гаврилович, скажи на прощание: для пользы дела она послужила или во вред государству Московскому?

– Конечно, пользы получилось больше, хотя и вред тоже проявился.

На пользу стране опричина рассеяла боярские роды, помешала гнездиться предательству, позволила царю Иоанну казнить заговорщиков против его власти и против государства. Опричное войско стало основой регулярной армии государства Московского – от них пошли стрелецкие полки.

А вред от опричнины принесли те, кто на царской службе принялся набивать карманы и подводить честных людей под наказание, чтобы отобрать их имущество в свою пользу. Изменники проникли и в ближнее окружение царя, хотя он лично отбирал опричников, но в душу человеку не заглянешь, и не увидишь там, за правое дело вступает этот человек в опричнину или это стяжатель и даже предатель, притаившись, пролез в опричники, чтобы вредить царю и всему люду православному.

Ладно, хватит лясы точить после бани, тебя, верно, жена Мария заждалась в постели, ожидая мужской ласки, после известия о зачатии дитя. Сегодня суббота, так что нет греха приласкать жену верную, пока полночь не наступила и этим делом заниматься нельзя.

– Погоди, Тимофей, позволь спросить еще про опричников. В народе до сих пор ходит молва, что царь с опричниками предавались пирам да чревоугодничеству, в то время, как был неурожай и многие люди голодали и даже умерли? – спросил Степан, вставая с лавки.

– Да, писарь, не научился ты думать разумно, – ответил Тимофей. – Царь Иоанн очень набожен, дни проводит в молитвах и свято чтит православные обычаи, по которым у нас в году больше двух сотен постных дней. Вот и пойми – мог бы царь Иоанн поститься сам, а в это время его дружина опричная бражничала бы рядом, во вред царским молитвам? Таких царь самолично бы предал наказанию, поскольку в вере был строг и непримирим. Так что ступай, Степан, под бок к женушке и не думай больше об опричнине, затеяв этот разговор после бани из праздного любопытства.

– Нет, Тимофей Гаврилович, не из любопытства я веду с тобой беседы о царе нашем Иоанне Васильевиче Грозном, а чтобы потом годы спустя, описать его царствие правдиво. Но тогда спросить будет уже некого, а слухи, сам знаешь, они обманчивы. Спасибо, Тимофей Гаврилович, за чай, за беседу умную, что не гнушаешься с писцом простым якшаться и учить меня разумению нашей жизни.

А водогрейный котел, что пытит на столе и весь вечер поил нас горячим чаем, я закажу у медников на торговых рядах в Китай-городе и назову этот котел самоваром – так будет совсем по-русски.

Степан низко поклонился подъячему Тимофею Гавриловичу за гостеприимство и, накинув тулуп и шапку, чтобы не простудиться после бани и горячего чая, вышел в ночь.

Стоял мороз перед Рождеством, на небе висела полная луна, освещающая улицу, мерцали звезды, где-то брехали собаки, заслышав хруст снега под ногами поздних прохожих, и Степан, довольный умной беседой с подъячим, поспешил к своей избе, где его ждала жена Мария, зная, наверное, что Степан будет с ней ласков и доставит ей плотскую утеху, в радость об известии про дитя, которое Мария носит под сердцем.

Битва при Молодях

Июньским вечером воскресного дня, когда все дела домашние уже сделаны, поклоны Господу отбиты в ближней церкви и остается лишь ждать сумерек, чтобы отправиться на покой под бочок молодой женушки, писарь Посольского приказа Степан Кобыла сидел на крыльце у своего соседа и начальника Тимофея Тимофеева, служившего подъячим того же Посольского приказа. Мужики грелись на солнышке и вели степенную беседу.

– Скоро Ильин день, за ним яблочный Спас и году конец, с сентября наступит новый год 7091 от сотворения мира по православному календарю, но будет продолжаться год 1582 от рождества Христова по латинскому исчислению времен, – говорил Степан. – Этим летом мы с женою Марией ездили на богомолье в село Коломенское, где Мария молила о ниспослании нам дитя – год уже почти живем в браке церковном, но дитя обрести не получается.

– Не тужи, Степан, – какие твои годы, еще будет у тебя дитяtko малое, может и не один. При такой жене, как Мария, нет слов, чтобы печалиться о детках, будут они у вас, помани мое слово. Жаль, что молитвами и поминаниями не возвратит нам наших родичей, жен и деток, погибших в Московском пожаре при татарском набеge хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 году.

У тебя, Степан, жена, трое детей и родитель-отец погибли в то время; у меня жена и сыновья младшие тоже сгинули в той геенне огненной, что учинил хан, и неизвестно нам, погибли они в огне или были уведены в татарский полон и где-нибудь мучаются, еще хуже, чем в огне сгореть.

Ты, Степан, вдову Марию себе взял в жены, что является божьей милостью к женщине, а мне на старости лет и такой радости испытать уже нет сил. Надо было сразу, после пожара

взять сиротиночку-вдову в жены, да замешкался я по царской службе, а после уже поздно стало – годы взяли свое и утратил я влечение к женщине.

Живет ключница Дарья – тоже вдова от сгоревшего купца, но она лишь следит за моим малым хозяйством без всякого баловства с моей стороны, хотя вдове такое баловство и позволяется, потому-то и зовут таких вдовушек «прелестницами» в отличие от гулящих: до замужества и при замужестве, что кличут в народе блудницами и наказывают за блуд плетьюми или вовсе казнью смертною, – пояснил Тимофей свое бобылевство, добавив: – царь наш, Иван Васильевич нонче ожидает дитя от молодой жены Марии Темрюковны, но царь моложе меня на шесть лет, значит, упустил я свою вдовушку еще десять лет назад.

– Почему вдовушку? – удивился Степан. – Вы, Тимофей Гаврилович, по своему положению можете и сейчас взять в жены девицу юную, по согласию родителей из простого рода: стрельцов, купцов малых или попов, у которых не хватило поповичей для своих дочек. Быть замужем за достойным человеком – всегда лучше, чем маяться в монастыре или вовсе заниматься «блудством».

– Нет, Степан, не годен я уже к мужской жизни, да и не пристало седому старче брать в жены юную девицу для плотской утехы – не по-божески это, ибо Господь завещал нам, людям, плодиться и размножаться, и чтобы отец не возлюбил дочь свою, что является содомитским грехом, а когда старый венчается на юной девице, это, по-моему, и есть содомитство.

– Но царь наш на юной деве женился – значит, нет здесь никакого греха, – возразил Степан.

– Царю надо род свой держать, и поэтому церковь разрешила этот четвертый брак совершить. Иосифу, мужу девы Марии, тоже разрешено было пророком жениться на ней, но не для плотской утехы, а для рождения Спасителя – Христа нашего и рождение Христа было бесспорным, как гласит Евангелие, – возразил подьячий, добавив:

– Так и царь наш, Иван Васильевич, оженился на девице Марии, чтобы родить наследника. У него есть уже наследник Федор, но тот немного не в себе по разумению, а настоящий наследник Иван Иванович помер от болезни неизвестной в прошлом году в возрасте 27 лет.

– Ладно, хватит говорить о царе и его жене, о них и без нас есть кому посудачить и среди друзей, и среди врагов многих, – прервал свои речи подьячий Тимофей. – Я вот что вспомнил: ведь ровно десять лет тому назад произошла большая битва русичей с татарами под селцом Молодью и в той битве мне пришлось участвовать и познать радость победы над нечистой татарскою силою, что пожгла Москву и убила наших родичей.

– Расскажи, дядька, как все это случилось? – заинтересовался писарь Степан, который никогда не слышал об участии подьячего в битве с татарами, да и о самой битве под Молодью мало что знал.

– Ладно, расскажу все как было, – согласился Тимофей, – только рассказ этот надо начать издалека: с пожара Московского или даже и того раньше.

Крымские татары после распада Золотой орды, стали единственной силой в Причерноморье, которая противостояла набирающего мощь Московскому княжеству.

Крымские татары регулярно нападают на юго-восточные окраины Московского княжества, опираясь при этом на Казанское и Астраханское ханства.

После завоевания Казани и Астрахани царем Иваном Васильевичем, крымские татары продолжили набеги на Русь, опираясь на помощь турок, империя которых достигла расцвета и османам покорились все Причерноморье, Балканы, Греция, Валахия, и война велась турками с императором Австрии. Османский султан прислал русскому царю письмо, предложив тому либо вернуть свободу казанцам и астраханцам, либо присягнуть на верность султану и войти в состав османской империи вместе с этими ханствами.

Царь на эти условия не согласился, и тогда в 1571 году крымский хан учинил поход на Москву вместе с янычарами, которых ему предоставил султан в помощь, снабдив их пушками.

Из-за пожара, хан не смог взять Москву и удалился в Крым, пообещав вернуться и уничтожить Московское царство навсегда, как это было при татаро-монгольском набеге триста лет назад.

Для защиты от татарских набегов, русские вдоль границ строят земляные укрепления из завалов деревьев, глубоких рвов и высоких валов, на защиту которых ежегодно выступают десятки тысяч воинов.

Такая защита была и в 1571 году, но хан Девлет-Гирей, обманув русских с помощью предателя Милославского, перебрался через реку Оку в обход русского войска, стоявшего под Серпуховым, числом около 30 тысяч человек, и устремился к Москве. Воевода Бельский успел обойти ханское войско и войти в Кремль, но организовать оборону Москвы он не смог, а хан отступил из-за пожара, пообещав вернуться и довести дело до ликвидации Московского царства, в котором он посулил своим мурзам и ханам вотчины, где они будут править, как раньше правили монголы: Девлет-Гирей считал себя потомком Чингиз-хана и желал расправиться с Москвой по примеру своего прадеда.

После набега Девлет-Гирея, царь Иоанн направил на защиту южных рубежей опытного воеводу Михаила Воротынского, дав ему в помощь опричное войско под началом Дмитрия Хворостинина.

За зиму войско воеводы подготовилось к татарскому нашествию, организовало разведку татар на дальних рубежах и узнало о приближении 120-тысячного татарского войска вместе с янычарами турецкими, пушками и ружьями. Русских войск вместе с казаками было около 30 тысяч.

Царя Иоанна известили о татарском нашествии и он, не надеясь на победу при таком соотношении сил, дал приказ биться войскам до конца, но послал гонца с письмом к Девлет-Гирею с предложением заключить мир, а взамен пусть хан берет себе Астрахань с окрестными народами. С этим гонцом дьяк посольского приказа, по указу царя, послал переговорщика, если хан вступит в переговоры. Этим переговорщиком и оказался я – Тимофей Тимофеев – подьячий Посольского приказа.

Через два дня мы добрались до Серпухова, где расположились основные силы нашего войска. Здесь я узнал, что гонец передал послание царя Девлет-Гирею, который посмеялся над царем, пообещав лишить его царства, в которое он уже назначил своих правителей и сказал, что сотрет Русь с лица земли.

Так я очутился в русском войске при князе Воротынском и видел всю битву за русскую землю от начала и до конца.

Девлет-Гирей, обнаружив русское войско возле Серпухова, и зная от перебежчиков о числе русских вчетверо меньшей татарского войска, не стал вступать в сражение, а вдоль Оки, и через брод переправился на другой берег и направился к Москве.

Дороги на Москву, стараниями воеводы Воротынского, были завалены деревьями, перерыты рвами, петляли среди леса и татарское войско растянулось на пятнадцать верст, не найдя более удобных путей.

Когда хвост татарского войска добрался до деревни Молоди, Хворостинин атаковал татар – это произошло 30 июля, аккурат десять лет назад день в день.

Часть татар повернула вспять, чтобы уничтожить отряд русских числом около 5 000, но русские разбили арьергард и вбились вглубь татар, нанося им большой урон в тесноте лесной дороги.

Девлет-Гирей решил избавиться от русских, приказав уничтожить их, для чего повернул свое громадное войско, которое двинулось вслед убегающим русским конникам.

Возле села Молоди русские устроили укрепление из перевернутых телег, связав их цепями и веревками, укрепив деревянными щитами, так что образовалась крепость в поле на пути татар.

Татары кинулись на эту крепость в конном строю, но были смяты меткими выстрелами из пушек и пищалей, которые стреляли из-за стен крепости, которую казаки называли гуляй-полем. От огня пушек многие татары были уничтожены, перегородив дорогу – единственный путь к крепости русских. Пока следующая волна татар добиралась до крепости, наши воины успевали перезарядить пушки и пищали и встречали новых татар убийственным огнем.

Такое смертоубийство продолжалось до самого вечера и лишь тьма прекратила сражение.

Утром татары пустили в бой янычаров с их пушками, надеясь уничтожить русских, но казакам удалось отбить эти пушки у турков, а часть орудий турки утопили в сутолоке у речки Пахры, где татарское войско начало разворачиваться после атаки воеводы Хворостинина.

Утром следующего дня татарам ничего не оставалось делать, как продолжать атаки на крепость, огонь из которой уничтожал их отряд за отрядом: узкая дорога и завалы вокруг нее не давали татарам возможности ввести свое войско целиком в бой, а татарские полчища вступали в бой по мере приближения частей, что не давало им никакой выгоды от своего численного превосходства над русской дружиной.

Так продолжалось два дня: татары бешено пытались уничтожить русскую крепость, сооруженную из телег прямо на дороге, к которой с других сторон было не добраться из-за завалов деревьев, устроенных русскими в окрестностях этой дороги.

Татары отчаянно нападали на крепость, цепляясь за телеги и щиты руками, если удавалось дотянуться, но русские саблями и топорами рубили эти жадные руки, пришедшие на нашу землю грабить и убивать: каждый понимал, что здесь и сейчас решается участь земли русской: быть Руси или вновь попасть под татарское иго.

Я, подьячий Тимофей, все эти дни был возле воеводы Воротынского, ожидая, что Девлет-Гирей вдруг запросит мира и согласится с условием царя, тогда можно будет составить договор и подкрепить его подписями хана и воеводы Воротынского.

Однажды, на второй день осады, татары в небольшом числе прорвались в крепость и даже приблизились к воеводе, но были уничтожены охраной Воротынского. Один из татар метнул в меня копьё, промахнулся и был убит самим воеводой.

Надо сказать, что в стане русского войска наступил голод, ибо в крепости не было запасов еды и особенно воды: никто не ожидал, что битва будет длиться днями. От голода и без воды люди слабели, но продолжали бороться с нечистью, зная, что поражение здесь приведет к падению всего государства Российского.

На третий день хан Девлет-Гирей, придя в бешенство от сопротивления русских, приказал татарам спешиться и в пешем строе захватить гуляй-город и перерезать всех русских – в плен не брать.

Этот приказ оказался губительным для татар: в пешем строю они вовсе не умели воевать, а пеших янычар наши воины смели огнем из пушек и истребили поголовно. Потери татар умножились.

Наступила ночь. Воротынский с засадным полком, что скрывался в лесу за крепостью из телег, пробрался вдоль реки по ложбине в тыл врага, и поутру ударил по головному отряду татар, гоня их по узкой дороге к крепости. Тем временем Хворостинин ударил из пушек по наступающим татарам, которые оказались зажатыми с двух сторон, истребляемые огнем пушек.

Татары умелые воины на просторе и на коне, когда есть куда нападать и куда бежать при неудаче. Здесь же, в тесноте лесной дороги, отбиваемые с двух сторон русскими, сражающимися за свою свободу и потому с отчаянной храбростью, татары смешались и побежали, побиваемые русскими, словно бараны на бойне.

Часть татар вырвалась из тисков и побежала к реке Оке, преследуемая русскими дружинниками и казаками, которые истребляли захватчиков без всякой жалости, помня слова князя Александра Невского: кто с мечом к нам придет – тот от меча и погибнет.

Едва ли пятой части татар из огромного войска удалось избежать гибели – в Крым вернулись немногие, а турок-янычар и остальных мурз войска воеводы Воротынского истребили полностью.

Это была огромная победа и неожиданная, после прошлогоднего похода татар на Москву.

Крым опустел после этого избиения и десять лет не нападал больше на южные окраины Руси, потому что все мужчины-воины и даже подростки погибли в битве при Молодях.

Султан турецкий Сулейман понял, что поход на Русь потребует от него много воинов и сил и потому более не посылал войск в помощь поволжским татарам и другим басурманам, если они организовывали мятежи против царской власти, желая жить как прежде: грабежом и захватом пленных. Невольничьи рынки в Крыму и Стамбуле опустели от русских пленников.

Так закончилась последняя попытка татар восстановить татарское иго, а начало этой борьбе положил князь Дмитрий Донской на Куликовом поле.

Вот такой мой рассказ о великом сражении русичей с татарами под Молодью, – закончил подьячий Тимофей свое повествование и замолк, предавшись воспоминаниям событий десятилетней давности.

Степана поразил этот рассказ о побоище татар под Молодью, и он осторожно, чтобы не спугнуть старика от его мыслей, спросил: – Почему же о такой великой победе не бьют колокола в церквах, как бывает на день победы на Куликовом поле?

– Понимаешь, Степан, в этой битве царь наш не участвовал и потому хвалить можно только русское воинство, не восхваляя царя, а такого ни царь, ни церковь не любят.

Если владыка страны: царь, князь или король одерживают победу над врагом, и сами участвовали в сражении, то это победа владыки и немного победа воинов, а если победу великую одержало войско под водительством военачальника, то кому будет слава от этой победы? Начальнику войска? Воинам храбрым и умелым? Так начальника можно убрать, войско распустить и некого будет чествовать победителем, что и случилось с князем Воротынским и Хворостининым после победы при Молодях: Воротынский по старости лет ушел в монастырь и там умер, а Дмитрий Хворостинин после опричнины отличился в сражениях Ливонской войны, укреплении обороны Руси со степи и сейчас является окольным царя Ивана Васильевича.

– Скажи-ка, Тимофей Гаврилович, страшно тебе было там, в сражении под Молодью, когда татары лезут со всех сторон, а ты вовсе без оружия?

– Нет, саблю мне дали по приезду в стан русского войска, ибо никто не знал чем дело кончится: напротив, все думали, что лягут здесь на поле брани, но задержат врага сколь могут, а может быть и обессилят его, и заставят уйти назад в степи Крымские, – ответил подьячий и добавил, подумав, – В победе над татарами никто и не помышлял, может кроме воевод, при таком раскладе сил: один наш воин против четырех татар конных, да еще эти янычары турецкие, что прославились отвагой в сражениях европейских.

Но скажу я тебе, что служба воинская много тяжелее, чем наша писчая служба в Посольском приказе. Там одни доспехи и оружие носить на себе целый день замучаешься! Да еще походы на врага, иногда впроголодь, а уж о сражениях и вовсе говорить нечего. Смотришь, татарин лезет с саблей на стрельца, стрелец извернулся и зарубил татарина насмерть, а в это время другой татарин этого стрельца сзади проколол пикой и тоже насмерть.

Стоишь и смотришь, как льется кровь людская, словно вода ключевая, и страшно становится за себя, за други своя, за страну нашу, на которую эти враги пришли, а особенно страшно подумать, что татары победят и поведут тебя в полон в дальние земли поганые, где церковей нет и помолиться душе христианской негде и некогда – работа каторжная целными днями без продыха – это я слышал от полонян, что вернулись домой за выкуп.

А если нет в семье выкупа, то и до смерти будешь мучиться на чужбине. Наши с тобой родичи может быть до сих пор мучаются в землях турецких, если их увели в полон.

Иногда проснусь ночью и думаю: хорошо, если они сгорели в том пожаре, что сжег Москву, а если попали в полон, то нет мне прощения, что не уберег родных от татар проклятых и от пожара лютого.

– Где же царь наш Иоанн был, когда татары снова напали на Русь? Почему он не был с войском на битве при Молодях? – спросил Степан своего соседа, глядя как темнеет небо на востоке, хотя на западе еще горит зарею краешек неба – там, вдали, за Москва-рекою.

– Царь наш всю зиму после пожара татарского собирал людей на восстановление Москвы и в свое войско, чтобы отбиться от татар большой силой. Не удалось ему собрать людей служивых на бой с татарами – обезлюдела страна от набегов татарских и от войн с поляками и шведами на западе. Если помнишь, Степан, за два года до татар чума напала на страну и много людей от нее померло; в иных местах до трети жителей. Потому и людишек в войско собралось впятеро меньше, чем царь надеялся, и всех их он отправил в войско Воротынского, а сам уехал в Новгород, где надеялся еще собрать войско в подмогу. Представь, что воеводе не удалось бы победить татар и они без сопротивления взяли бы Москву и весь центр страны – это конец наступил бы всей России.

А Новгород бы уцелел, как он уцелел при монгольском нашествии три века с половиной тому назад и снова от него пошла бы Русь православная. Некоторые людишки шептались по углам, что царь трусил и убежал подальше в Новгород, а он уехал туда для спасения страны.

И никогда царь Иоанн в трусости замечен не был: ни в походах Казанских, ни в борьбе с изменами в Москве, когда предатели хотели известить царя, но успели известить лишь его жен да дочерей малых.

Думать надо, Степан, прежде чем осуждать государя, что не был он с войском, а собирал силы для отпора врагов, – объяснил Тимофей Гаврилович, глядя на башни Кремля, крыши которых светились багрянцем в лучах заходящего солнца.

– Помнится, лет тридцать назад, царь Иоанн для Казанских походов легко собирал сто пятьдесят тысяч в свое войско, а нынче и пятьдесят с трудом набирается – так вороги проклятые обезлюдели страну своими нападками со всех сторон – никому из соседей наших не нужна сильная Русь, которую задумал устроить царь Иоанн Васильевич, по прозванию Грозный, – завершил подьячий Тимофей, вставая с крыльца и разминая ноги, затекшие от долгого сидения за беседой о своем участии в большой битве с татарами под Молодью.

– Да, странно мне слышать, что такое большое сражение под Молодью не нашло прославления ни в народе, ни у царя нашего, – снова удивился Степан, вставая следом за Тимофеем с крыльца, где они вели беседы не единожды, погожими летними вечерами, когда заботы дневные уже улажены, а до завтрашних дел не наступил срок.

– Я спрашивал у Хворостинина, как ближнего опричника царя Иоанна, сколь велика была татарская сила и тот ответил мне, что более 120 тысяч воинов было с татарской стороны, в том числе и янычары турецкие, добавь сюда обозников, что были при лошадях, вот и все 150 тысяч наберется.

Наших же, вместе с обозниками, было впятеро меньше числом, но умелыми действиями воевод и отчаянной храбростью воинов удалось одолеть темную силу. В том сражении хан Девлет-Гирей еле унес ноги с поля боя, а многие его мурзы, зять, сын и внук погибли под ядрами наших пушек, – ответил Тимофей, продолжая беседу, ввиду того, что Степан не торопился домой к своей жене Марии и погода теплого вечера благоприятствовала к беседе.

– Царь наш Иоанн очень заботился об артиллерии и ружейном деле, видя в огневом войске большие преимущества перед обычным снаряжением воина: луком со стрелами и мечом-кладенцом, а многие воины из ополчения и вовсе были с одними топорами.

Под Молодью наши войска и одолели татар в огневом сражении. Каждое ядро, выпущенное из пушки по врагу, наступающего сплошной стеной, поражало десятков и более воинов, каждый заряд из пищали пробивал насквозь до трех татар, что и обеспечило нашу победу.

Пушки и пищали бьют врага издали, и потому наши воеводы старались не допустить татар для борьбы врукопашную, где они одолели бы нас числом.

Потому воеводы и увели татар на лесную дорогу в тесноту, завалив окрестности засеками да рвами глубокими. Татарин силен на коне и быстрым маневром, а здесь ему пришлось пробираться узкой дорогой среди деревьев, где не уклониться от пушечных ядер из нашей крепости – пусть и составленной из телег и щитов, но для татар и такая крепость уже затор для коней. И потом, когда татары побежали, не выдержав огня наших пушек и натиска воевода Воротынского, наши войска бросились следом и рубили татарву до самой Оки, где на берегах положили еще многие тысячи басурман. Как говорится, пришли волки по шерсть баранью, да ушли стриженными.

Воеводы послали гонцов царю в Новгород о великой победе, потом и Воротынский преподнес царю трофеи с поля Победы под Молодью, за что царь обласкал его.

После этой победы царь Иоанн распустил опричное войско, присоединив его к земскому воинству, из стрельцов, поняв, что объединенная сила всегда лучше разрозненного войска. Ведь почему татары прорвались к Москве за год до битвы при Молодях: да потому, что опричные войска вместо пяти полков выставили один и тот действовал, не подчиняясь князю Бельскому. Вот татары и обошли наши войска и сожгли Москву дотла, так что уцелела едва ли треть москвичей из 60 тысяч жителей, к которым надо прибавить всех бежавших от татар из окрестностей. Еще 60 тысяч хан Гирей угнал в полон – вот и получается, что в битве под Молодью наши воеводы Воротынский и Хворостинин вернули татарам должок сполна, отучив басурман нападать на Русь.

После этой битвы, лет за десять мирной жизни, оборона Руси на юге отодвинулась в Дикое поле на 200-300 верст, где была устроена новая засечная линия и основаны города Орел, Воронеж и многие другие. Так одна битва совершила перелом в целой войне. Жаль, что такого успеха не удалось достичь в Ливонской войне, но там уже действовали предатели, которые начальные победы над шведами, поляками и Литвой, обернули поражением царских войск в наши теперешние годы.

Царь недавно заключил мир с Польшей на прежних условиях, что были перед началом войны, но князь Курбский в своих подметных письмах из Литвы пишет, будто бы царь Иоанн потерпел полное поражение в Ливонии: врет мерзавец – поражения не было, но и победы одержать не удалось – таков итог Ливонской войны, о чем я тебе, Степан, расскажу как-нибудь при удобном случае, чтобы ты не слушал подлые шепотки по углам и на площадях про неумение царя вести войска к победе, что распускают подлые изменники и их шептуны, чтобы опорочить царя Иоанна Васильевича, – закончил Тимофей свой рассказ о битве при Молодях, сказав:

– Поспеши, Степан, домой, видно молодайка твоя, Мария, заждалась муженька на крыльчке. Повезло тебе с новой женою, хотя из вдов: никогда не перечит мужу, понимает наши беседы мужские, которые не терпят женского уха, и хозяйство ведет умело: всегда у нее чисто, опрятно и котелок щей томится в печи, ожидая ужина доброго. Иди, Степан, откушай щей, приголубь жену, – глядишь, и детишки получатся от такой ласки, – усмехнулся подьячий Тимофей, проводив Степана до калитки и пошел в свой дом, чтобы помолиться Господу, поблагодарить Его за день сегодняшний, что прошел гладко и без неурядиц, помянуть своих родных, которые сгинули от татарского набега: то ли в пожаре Московском, то ли в татарском плену, и потом, умиротворившись, лечь на кровать, укрыться тулупом бараньим; от старости Тимофей Тимофеев стал мерзнуть ночами – даже такими теплыми как нынешняя, и мирно заснуть.

Если повезет, то может быть присниться ему жена, отец, сынки младшие Иван и Тимофей – все, кто сгинули в пожаре, случившемся много лет назад. Сны свои с родственниками Тимофей считал общением по душам, и после каждого такого видения, заходил поутру в церковь и ставил свечку Господу, в благодарность за встречу с родственниками.

Надо сказать, что двое старших сыновей подьячего Тимофея погибли близ Полоцка за пять лет до Молоди из-за неумелых действий воеводы Алексея Адашева, которому царь поручил войска, чтобы добить польско-литовское войско в Ливонии и закрепить победы прошлых лет. Так было задумано царем, да не удалось исполнить царским слугам.

Решимость и умение одних воевод обеспечивает им победы над более сильным врагом, а нерешительность и неумение других воевод приводит к поражениям и гибели людей, даже при большом перевесе сил, что случилось с татарами под Молодью, но лишило подьячего сыновей под Полоцком.

Московские пожары

Как-то августовским вечером Степан зашел к соседу Тимофею попросить топора-колуна для колки дров, что он наметил на завтрашний день, свободный от службы писарской. У него был свой топор, но топориче треснуло еще в прошлое лето на исходе, а поискать топориче было недосуг – так и остался топор сломанным, и чтобы не терять дня, пришлось обратиться к соседу.

Тимофей топор-то дал, но сказал, глядя в небо: – Видишь, туча черная с юга идет на Москву: если прольется сильным дождем, то не в лад тебе, Степан, будет завтра колоть мокрые чурбаки – при сильном ударе топор может скользнуть в сторону от чурбана и повредить ногу напрочь. Я такое видел повреждение топором, что пришлось ногу отпилить несчастному, чтобы жизни не лишился вовсе. Так что остерегись, Степан, колоть мокрые чурбаки: ты теперь при молодой жене и ей нужен здоровый муж, чтобы жену и дитя будущее заботой обихаживал, а не деревянной ногой стучал по полу в доме.

– Вечно вы, Тимофей Гаврилович, страха нагоняете на пустом месте, – возразил Степан на слова соседа – небось топора своего жалеете?

– Тебя молодца жалею, а не топора, – возразил Тимофей, – знаю твою настырность в любом деле, вот и остерегаю.

– Ладно, посижу у вас на крыльце, пока туча не пройдет, а там видно будет нужен ли топор или придется мне подождать погожего дня, чтобы поколоть чурбаки на поленья, которых не осталось в дровяном сарае. Верите ли, даже баньку завтра истопить нечем, – ответил Степан.

– Бери у меня вязанку дров на баню, – охотно предложил Тимофей, присаживаясь рядом со Степаном и полагая, что гроза пройдет не скоро, поскольку туча захватила лишь край неба и медленно наплзала на Москву, полыхая изредка молниями.

Соседи завели разговор о московских новостях, последней из которых было ожидание ребенка у царя Иоанна от молодой жены Марии Нагой.

Туча постепенно заняла полнеба, поползла на Замоскворечье и полыхала молниями, не проливаясь дождем.

– Неужели сухая гроза будет? – встревожился Тимофей, – ненароком ударит молния в дом или сарай и жди тогда пожара большого, если и ветер поднимется.

И лишь молвил эти слова, как зазвучал колокол на колокольне Ивана Великого, возвещая о пожаре.

Соседи осмотрелись по сторонам и увидели клубы черного дыма, поднимающиеся на соседней улице.

Тимофей схватил багор и кинулся на пожар, Степан, не мешкая, побежал следом. Помочь соседу на пожаре – это не только выручка погорельца, но и защита своего дома, чтобы пожар не принял большой силы и не пожег всю улицу или даже слободу.

На пожаре уже толпились мужики, баграми растаскивая сарай, в который ударила молния, воспламенив крышу. Ветер еще не поднялся, и потому, разломав сарай и залив бревна

водой из колодца, что был во дворе, удалось погасить пламя, не дав ему перекинуться на дом и другие постройки.

Деревянные дома и постройки не гасили водой, а разбирали при пожаре, чтобы не допустить его до соседних строений, которые тоже все были деревянными.

Пока боролись с огнем, туча прошла мимо, так и не разразившись дождем, и вдалеке за Москвой рекой тоже взвился столб дыма – видимо, и там сухая молния ударила в дом, вызвав загорание.

– Ветра нет, справятся сами, – сказал Тимофей, вешая багор на стенку сарая снаружи, чтобы при недобром случае воспользоваться им снова.

Соседи присели на крыльцо, обсуждая происшествие, и Степан спросил Тимофея: – Сегодня малым пожаром здесь в Замоскворечье обошлись, но были ведь и большие пожары, когда Москва выгорала почти полностью. Пожар при татарском набеге я помню хорошо, потом в начале царствования Иоанна был большой пожар, но это еще при моем отце. Что вы, Тимофей Гаврилович, думаете о больших московских пожарах, поделитесь мыслями – глядишь и пригодится это знание.

Тимофей посмотрел вслед туче, которая так и не разразившись дождем, уползла на север, поблескивая молниями и ответил так: – Пожары на Москве случались всегда, но бывали и большие. Еще при монголах Москва выгорала целиком, например, после Куликовской битвы хан Тохтамыш выжег Москву полностью, воспользовавшись отлучкой великого князя Дмитрия Донского в Тверь, где он разбирал тяжбу между князьями.

Мы на Руси всегда строили свои дома из дерева, которого у нас множество пород, и оно очень удобно для жилья в нашем климате: в деревянном доме летом прохладно, а зимой тепло держится долго, если печи топить вовремя. Но дерево хорошо горит и при всяком несчастном случае деревянный дом обычно сгорает дотла.

Москва расширялась, людей прибавлялось и потому «Дворы более и более стеснялись в Кремле, в Китае; новые улицы примыкали к старым в посадах; дома строились лучше для глаз, но не безопаснее прежнего: тленные громады зданий, кое-где разделенные садами, ждали только искры огня, чтобы сделаться пеплом».

– В давние времена я не полезу, а вот о первом большом пожаре при царе Иоанне скажу, потому что был очевидец, – продолжал Тимофей Гаврилович.

– Было это в год 1547 по латинскому календарю. Царь Иоанн в январе повенчался на царство Московское, а в феврале повенчался со своей невестой Анастасией.

Повенчавшись на царство, Иоанн стал первым Московским правителем, который вместо Великого князя Московского, стал именоваться царем Московским и всея Руси, что возвысило Иоанна в глазах иноземцев-злодеев, которые в своих притязаниях на земли русские теперь имели дело с царем, повенчанным на царство.

Венчая царя Иоанна с Анастасией, митрополит сказал: «Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели: а добродетель ваша есть правда и милость. Государь, люби и чти супругу; а ты, христоролюбивая царица, повинуйся ему, как святой крест Глава церкви, так муж глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле».

Венчание царя Иоанна на царствие и его брак с Анастасией, означал потерю боярами части своей власти, потому что царь возвысился над боярами, а став мужем, показал свою зрелость. Это не понравилось многим вотчинникам старых родов, что считали себя ровней рода Рюриковичей и поэтому, по моему сомнению, эти завистники стали строить козни против нашего царя, которому еще не минуло семнадцати годов. Надо было устроить недовольство народа царской властью, и самое простое было устроить поджоги в городе.

В апреле этого же года устроились первые возгорания в Зарядье и Китай-городе, где сгорело более двух тысяч торговых лавок, гостиных дворов и жилых домов, в результате пожара взорвалась одна из башен Китай-города, где был устроен пороховой склад.

Через неделю случился новый пожар, где сгорело еще две тысячи домов. «Во время «великих пожаров» в народе распространилось мнение о наказании свыше. Летописи того времени писали, что «зло сие за умножение грехов наших».

Но возмутить народ против царя в апреле не удалось и пожары возобновились снова в июне, когда в Москву «пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суда на Москва-реке обсушило».

В июне пожар возник в нескольких местах сразу во время бури с ветром и молниями сухими как сегодня, – продолжал Тимофей, – но думаю, что и злой умысел тоже присутствовал.

«Вся Москва представляла зрелище огромного полыхающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезли, каменные распались, железо рдело как в горнище, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и других частях города. Спасали единственно жизнь: богатство праведное и неправедное гибло. Царские полаты, казна, сокровища, иконы, древние хартии, книжки, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма: силою вывели его оттуда и хотели спустить по веревке с тайника к Москва-реке: он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь... к вечеру буря затихла и в три часа ночи, угасло пламя, но развалины курились несколько дней от Арбата до Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской... Люди с опаленными волосами, черными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имений; не находили и выли как дикие звери».

«Множество народа сгорело. 1700 мужского полу и женска и младенец».

«Выгорело много казны государя Великого, ценного жемчуга и всяких других камней драгоценных и бархата».

Царь во время пожара был в селе Воробьево.

«Народная молва обвинила в случившемся Глинских – родственников матери Великих князей. Бабку царя, Анну Глинскую, обвинили в том, что она наколдовала пожар: «вымала сердца человеческие да клала в воду и с той водою ездили по Москве, да кропили и оттого Москва выгорела».

В Кремле толпа убила дядю царя боярина Глинского и двинулась в Воробьево, требуя отдать им других Глинских. Царю удалось усмирить толпу, обещанием наказать Глинских, что он и сделал, удалив их от власти, но взамен ему пришлось пойти на соглашение с ближними боярами, разделив с ними власть обещанием принимать решения только с согласия Боярской Думы, которая стала именоваться Избранной радой. Это положение было закреплено в своде законов «Судебнике», который был принят Земским собором два года спустя и по которому царь мог казнить за измену лишь с согласия Думы.

Кроме того, царь издал указ о борьбе с пожарами, по которому москвичи обязывались держать на чердаках и крышах сараев бочки с водой, ведра и багры, летом москвичам строго возбранялось топить домашние печи, которые запечатывались восковой печатью. Бани топить разрешалось, но строить их было велено в огородах и на пустырях. Таким был пожар 1547 года, – закончил Тимофей свой рассказ о давнем уже событии, чему был очевидцем.

– Теперь Тимофей Гаврилович, расскажи о пожаре Москвы при нашествии хана Девлет-Гирея, – пожаре, в котором пропали наши родственники: в чем причина и почему не удалось отбиться от татар на дальних подступах к Москве?

– Тяжело вспоминать то бедствие, что лишило нас родичей, погибших в огне или угнанных в полон татарский, но кто прошлое забудет – тому глаз вон, – говорит пословица русская, – отвечал Тимофей на слова Степана, и продолжил:

– Пожар тот мы с тобой видели из Кремля, в котором укрылись от татар, но не успели укрыть наши семьи – так внезапен был татарский набег. Я потом разбирал грамоты царские в Посольском приказе и вот что получилось правдивого о том татарском набеге на Москву.

– Царь наш вел тогда войну в Ливонии и надеялся закончить ее победою, а потому все силы Московского царства были в Ливонии. На юге границу прикрывали засечные заставы, где воинов было немного, да и заставы были плохо укреплены и не представляли собой единой линии обороны. Хан Девлет-Гирей, пользуясь слухами от стукачей и предателей, знал о плохой обороне с юга, и, собрав войско под сто тысяч, напал на окраины Московского царства, намереваясь пограбить города малые и угнать русских людей в плен татарский и тем нажиться.

Царь Иоанн, услышав о приближении татар, собрал войско опричное числом не более шести тысяч воинов и ждал хана возле Серпухова, надеясь помешать татарам переправиться через реку Оку. Но хану изменники указали другое место для переправы через Оку, и татары двинулись на Москву, без всякого сопротивления русских, оставив царя с его малым войском в стороне.

Земское войско под командованием князя Бельского успело обогнать татар и прийти в Москву для обороны за день до татар, но организовать оборону города им не удалось и войска разместились в Кремле, куда ринулись и горожане, заполнив Кремль до отказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.